Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 232 (6108). | 23 августа 1934 г., четверг. | ЦЕНА 10 КОП.

Капиталистическому миру национальной разобщенности и вражды противостоит великая семья советских народов, сплоченных партией Ленина—Сталина.

Национальные литературы Советского Союза выступают на с'езде писателей единым отрядом социалистической культуры.

На всех языках раздается победная песня социализма.

— Мне 76 лет, но я никогда не чувствовал себя таким свободным, таким счастливым, как в последние годы. Меня иногда спрашивают: **почему я не старею?** Наивный вопрос! Я не старею потому, что живу и творю при советской власти!

Этими словами закончил свое выступление на всесоюзном с'езде народный писатель Армении Александр **Ширванзаде.** В словах этих отражена особенность нашего великого времени.

На всесоюзном с'езде писательских отрядов — в докладах и речах — перед всеми советскими республиками и перед всем миром демонстрируем мы молодость и силу нашей, **советской** культуры. Девять докладов о национальных литературах прослушал с'езд,— сегодня мы печатаем часть этих докладов. Из уст докладчиков и со страниц стенограмм блестящими птицами летят в мир сотни имен рожденных и обновленных революцией поэтов, прозаиков и драматургов,—на разных языках, но поединому горячо и молодо творящих новую литературу.

Нет, это не только писатели собрались на с'езд,— это сами народы многонационального Советского Союза как бы подводят первые итоги своего культурного расцвета. Недаром десятками миллионов глаз следят советские народы за тем, что происходит в Колонном зале Дома союзов,— и уже посыпались в Москву сотни откликов на с'ездовские доклады изо всех уголков СССР. Доклады и речи на с'езде изучают на предприятиях и в колхозах, ибо литература наша действенна, ибо неразрывна связь между литературой и жизнью, ибо литература советская — неотрывная частица самой нашей жизни.

Жизнь! Как быстро меняет она свой облик в нашей стране—это можно буквально нащупать и в каждом из девяти докладов о национальных литературах. Только недавно, несколько лет назад, как о чем-то не очень близком, писали **о светлом будущем социализма.** Писательский с'езд—один из показателей того, что мы вступили в это будущее, что мечты становятся явью, фактом становится уничтожение вековой нищеты и тысячелетнего невежества, векового разобщения и вражды между народами.

Многоязычная, многонациональная советская литература выступает сегодня такой же идейно-сплоченной и единой, как сильно единство народов, родивших эту литературу, как силен и нерушим самый Союз Советских Социалистических Республик.

Мы знаем—не только русский народ, но и некоторые другие народы Советского Союза имеют богатое культурное наследие. Велики, например, литературные богатства прошлого Украины, Грузии. Но лишь сейчас по-настоящему широко культурными богатствами этими овладевают не только «верхние тысячи» эксплуататорского общества, а подлинно широчайшие массы трудящихся. Только сейчас, только в Советском Союзе, возможен подлинный расцвет народного творчества, новых литературных сил, омоложенных или рожденных Октябрьской революцией, победоносной пятилеткой.

Наш литератор, автор любого талантливого произведения, имеет неограниченный пропуск в мир, в соседние языки и ко всем народам Советского Союза и всего мира. Этого «пропуска», этой возможности нет и быть не может в условиях капитализма ни у одной литературы малых, даже формально самостоятельных народов. Они обречены на провинциализм, на прозябание. Литература малой нации в условиях капитализма неизбежно замкнута километрами государственных границ. Она неизбежно помножает в себе национальную замкнутость на идиотизм буржуазной провинциальной жизни.

Но и эта возможность есть только у ничтожной части малых народов, экономическая, политическая и культурная зависимость которых от крупных империалистических держав покрыта флером «государственной самостоятельности». Об остальных, о большинстве наций мира, о колониальных и полуколониальных народах—нечего и говорить. Все более туго затягивается петля империализма, удушающая подчиненные капиталу народы, их культуру, зачатки их художественного творчества.

Мы не убаюкиваем себя достижениями, в какой бы области творческого гения пролетарской диктатуры они ни были. На с'езде писателей, в докладах о национальных литературах в том числе, немалые недостатки советских литератур безжалостно вскрываются. Литературе молодого класса, только что пришедшего к власти на одной шестой части земного шара, незачем скрывать от себя и других свои недостатки—и литературную незрелость многих новых авторов, недавно взявшихся за перо, и чуждые влияния, которые еще оказывают кой-где буржуазные националисты, продавшие будущее свое капитализму.

Еще предстоит борьба, упорная борьба за рост культуры, **советской** культуры наших народов, за очищение ее от вековой грязи капитализма и прошлых эксплуататорских формаций. Но разве может что-либо остановить чудесный бег социализма? Разве может какая-нибудь вражеская сила остановить героические наши народы? Разве есть такие крепости—науки, техники, культуры,—которых не могли бы взять большевики?

Нет такой силы, нет таких крепостей. Идеи большевизма, идеи Ленина и Сталина двигают народы Советского Союза. **Сталин** — каждое упоминание его имени на с'езде—током бодрости, любви, творческой энергии подымает с мест всех делегатов всех народов великой нашей страны. **Сталин**—о нем, вожде народов и вдохновителе песен социализма, лучшие, самые горячие слова на всех языках раздаются с трибуны с'езда.

Тысячам художников капиталистических стран, десяткам тысяч интеллигенции за советскими рубежами — наш с'езд писателей, а с ним и вся советская интеллигенция говорит: смотрите!—во мраке капиталистической ночи видны сторожевые огни тюрем и концлагерей, да еще костры фашистской инквизиции, костры из книг талантливейших ученых и писателей мира.

Смотрите, мастера культуры, каков расцвет культуры здесь, в стране Советов, где народы под водительством пролетариата и его партии **Ленина — Сталина** оставили уже позади мрак капиталистических отношений и вплотную приблизились к светлому дню социализма.

Победная песня социализма раздается на всех языках народов великого Советского Союза.

На с'езде: А. М. ГОРЬКИЙ беседует с СОФЬЕЙ ИОНОВНОЙ ГРИНЧЕНКО— героиней книги Ставского «Разбег».

УЧИТЬ—ЗНАЧИТ ДЕЛИТЬСЯ ОПЫТОМ.

Речь А. М. Горького на с'езде писателей 22 августа.

Уважаемые товарищи, мне кажется, что здесь чрезмерно часто произносится имя Горького, с добавлением измерительных эпитетов—великий, высокий, длинный и т. д. **(Смех).**

Не думаете ли вы, что, слишком подчеркивая и возвышая одну и ту же фигуру, мы тем самым затемняем рост и значение других? Поверьте мне, я не кокетничаю и не рисуюсь. Меня заставляют говорить на эту тему причины серьезные. Говоря фигурально, все мы здесь, невзирая на резкие различия возрастов, дети одной и той же, очень молодой, матери— всесоюзной советской литературы.

Измерение роста писателей—дело читателей. Об'яснение социального значения произведения литературы—дело критики.

Мы видим, что наши читатели все более часто и верно оценивают рост писателя даже раньше, чем успевает сделать это критика. Примеры—«Петр I» **Алексея Толстого,** «Капитальный ремонт» **Соболева,** «Я люблю» **Авдеенко** и десяток других книг, написанных за последние 3—4 года.

Разумеется, я не склонен проповедывать «уравниловку» в стране, которая дала и дает тысячи героев, но требует сотни тысяч их. Но я опасаюсь, что чрезмерное захваливание одних способно вызвать у других чувства и настроения, вредные для нашего общего дела, для нормального роста нашей литературы. Среди нас есть еще немало людей, которые родились и воспитывались в атмосфере злейшей мещанской конкуренции. И весьма часто эта конкуренция замещает соревнование, а конкуренция и социалистическое соревнование— понятия несовместимые, ибо враждебны в корнях своих.

Тов. **Соболев,** автор «Капитального ремонта», сегодня сказал очень веские и верные слова: «Партия и правительство дали писателю все, отняв у него только одно—право писать плохо».

Отлично сказано.

К этому следует прибавить, что партия и правительство отнимают у нас и право командовать друг другом, предоставляя право учить друг друга. Учить — значит взаимно делиться опытом. Только это. Только это и не больше этого.

Я вполне уверен, что, *если мы захотим,* мы научимся учить друг друга, и это быстро отразится на повышении нашей технической квалификации. Мы должны не только «шапочно» знать друг друга в нашей стране, но и читать со всем вниманием, какого заслуживает наша работа. Человек растет в действии. Мы видим, как выправляет людей физическая культура. Нам нужно тренировать нашу познавательную способность. Кратко говоря, нужно учиться. Это, конечно, не ново. Это я всегда говорил, и эта возможность широко предоставлена нам.

И особенно нужно учиться нам уважению друг к другу. Этого нехватает нам, и это должно быть воспитано в нашей среде. Возможно, что скажут — я сам в статьях моих о литературе недостаточно уважаю личность писателя. Это будет упрек несправедливый. Я иногда говорю резко, но это я говорю не о писателе, а о его работе.

Я в некотором роде единоличник, и я жаден. Мать моя — литература Союза Советских Социалистических Республик — празднует годы своего рождения. По жадности моей я страшно хочу, чтобы она получала хорошие подарки. Вполне естественно, что я несколько раздражаюсь, видя, как часто *ей дарят утюги — 16 тысяч* чугунных утюгов. Мы все еще пользуемся «правом писать плохо». Мне кажется, что мы незаметно для себя и безболезненно для себя утратим это право, если сумеем почувствовать огромное значение литературы в нашей стране, понять нашу ответственность перед читателем. Одним из средств такого самозабвения я считаю коллективные работы над материалом прошлого, работы, которые помогут нам шире и глубже понять достижения настоящего и требования будущего.

Илья Эренбург высказывался против коллективных работ. Я думаю, это по недоразумению, по незнакомству с их техническим смыслом. Эти работы не ставят перед каждым *писателем узко определенной задачи:* пиши о настроении сомов или ершей в 30-х годах XIX века. Писатель из материала выбирает то, что наиболее отвечает его индивидуальному вкусу, не насилует его способностей. Такие коллективные работы создадут, быть может, полуфабрикаты, но они многим и многим предложат прекрасный материал для индивидуального художественного творчества, и, главное, они помогут нам хорошо узнать друг друга, перевоспитаться в людей, достойных великой эпохи, которая зовет нас к работе на весь мир, на освобождение трудящихся людей всей земли. Вот в чем дело, товарищи.

Если здесь в этом зале заложен фундамент об'единения всей союзной литературы, нам после *с'езда необходимо будет* начинать дело практического об'единения в целях успешности трудной работы нашей, и работу эту нужно будет продолжать, развивая все больше, дальше для того, чтобы создать ту могучую литературу, которая нужна не только нашей стране, народам нашей страны, но нужна, — я смею сказать, — всему миру.

Вот все, что я хотел сказать. **(Аплодисменты).**

Разоблаченные авантюристы.

Пойманная с поличным токийская печать пытается отрицать захватнические планы японского империализма в отношении КВЖД. Слабо, неубедительно и неумно это у нее получается! Пользуясь избитым и давно уже разоблаченным методом, японские газеты валят с больной головы на здоровую. С серьезнейшей миной рассказывают они сказки о «советских заговорах» на КВЖД,—сказки, достойные того, чтобы пугать маленьких детей.

Сейчас совершенно ясно, кто питает наглую антисоветскую кампанию токийских газет. За спиной продажных писак стоят **авторитетные представители японских правительственных кругов.** Ряд представителей официальных японских учреждений выступил в печати с клеветническими антисоветскими заявлениями, рассчитанными на то, чтобы предоставить горючий материал для поджигателей войны на Дальнем Востоке.

По сообщению японского агентства **Нисо-цусин** представитель **военного министерства** в беседе с корреспондентом агентства 17 августа приписывал вредительские акты на КВЖД «замаскированным действиям советских агентов КВЖД». Аналогичное заявление сделал в **Шинкае** корреспондентам китайских газет представитель **японского посольства.** Он безапелляционно заявил, что «разрушение собственности вдоль железнодорожной линии является работой советских служащих КВЖД, имеющих тайное соглашение с бандитами».

Но вот уже прошло десять дней со дня раскрытия «бдительными» японо-манчжурскими властями «ужасного заговора» советских граждан — служащих КВЖД. Больше десяти дней арестованные томятся в заточении.

Казалось бы, если «заговор», имевший целью устройство вредительских актов на КВЖД, раскрыт, а виновные лица посажены под замок, то на дороге должны были бы воцариться мир и спокойствие. Так ли это на самом деле? 20 августа представитель японского министерства иностранных дел, припертый к стене иностранными корреспондентами, вынужден был признать в ответ на их вопросы, что **крушения и нападения на поезда продолжаются на Восточной линии КВЖД и после арестов советских граждан.**

Не ясно ли, что **подлинные виновники вредительских действий на Восточной линии КВЖД остаются на свободе?** Не ясно ли, что эти вредители находятся совсем не там, где их обнаружили японо-манчжурские власти? Не ясно ли, что, **под замком посажены честные труженики и что их арест понадобился крайним агрессивным элементам японского империализма для осуществления захватнических целей в отношении КВЖД?**

Кому нужны детские сказки и глупейшие небылицы, распространяемые токийской прессой? Ведь отклики международной печати показывают с достаточной убедительностью, что этими нелепыми сказками никого не удалось обмануть.

Всему миру известно, что СССР заинтересован в сохранении в целости и невредимости принадлежащей ему железной дороги. Всему миру известен великолепный героизм советских граждан, рабочих и служащих КВЖД, стойко, с опасностью для свободы и даже для жизни осуществляющих охрану дороги в невыносимых условиях, создаваемых японо-манчжурскими властями.

Всему миру известно, кто пытается подорвать КВЖД. Разве не показателен в этом отношении тот факт, что японские власти всячески препятствуют транзиту грузов по дороге. Иностранным экспортерам созданы искусственные трудности для отправки транзитных грузов по КВЖД, а японским экспортерам отправка грузов по дороге попросту запрещена. Нам известно, что эти беззаконные действия японской военщины вызвали **большое недовольство среди самих японских экспортеров,** открыто выражавших это недовольство на своих собраниях, **так как** авантюристские мероприятия военщины наносили им значительный материальный ущерб в период наводнения в районе Лафа-Харбинской железной дороги.

Именно в кругах японской **военщины** следует искать силы, стремящиеся подорвать и разрушить КВЖД.

Что касается ареста советских граждан, то по этому поводу проболталась **«Манчжурия дейли ньюс»**—официоз ЮМЖД. Орган конкурирующей железной дороги открыто передает следующее мнение: **«ПЕРЕГОВОРЫ (О ПРОДАЖЕ КВЖД) ПРЕРВАНЫ, НО ТОРГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. АРЕСТЫ И ОБВИНЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК МЕТОД ВОЗДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННЫЙ К ТОМУ, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ УСТУПЧИВОСТИ В ЭТОМ ТОРГЕ».**

Так вот где была зарыта собака! **Аресты облыжно оклеветанных честных работников КВЖД должны были запугать советскую страну и заставить ее отдать дорогу за бесценок!**

Шалите, господа провокаторы! Не запугаете!

Та же «Манчжурия дейли ньюс», которая открыто признала невиновность арестованных советских граждан, несколькими строками ниже с наглым цинизмом заявляет, что «из-за нескольких арестов не следует подымать тревогу».

Вопреки циничным советам авантюристов, советская страна имеет эти основания бить тревогу. Она имеет эти основания потому, что стоит на-страже мира и порядка на Дальнем Востоке,— мира и порядка, которым угрожают японские поджигатели войны.

ПЫТКИ И ИЗБИЕНИЯ АРЕСТОВАННЫХ СОВЕТСКИХ СЛУЖАЩИХ КВЖД.

ХАБАРОВСК, 21 августа. (Роста). Из Харбина сообщают о зверских избиениях и пытках, которым подвергаются в полицейских застенках арестованные на Восточной линии КВЖД советские рабочие и служащие. Особенно усердствуют в избиениях белогвардейские полицейские, находящиеся на службе в манчжурской полиции. Этими избиениями добиваются вырвать у арестованных нужные для японо-манчжурских властей «признания» в несовершонных ими преступлениях.

Протест врио генконсула СССР в Харбине тов. Райвида против арестов на КВЖД.

ХАБАРОВСК, 22 августа. (Роста). За последние дни японской жандармерией произведено 16 новых арестов советских служащих на КВЖД.

Врио генконсула СССР в Харбине тов. Райвид, в связи с арестами советских служащих в Харбине, послал ноту протеста представителю манчжурского мининдел в Харбине Ши Люй-беню. В своей ноте т. Райвид отмечает, что «аресты производятся без пред'явления надлежащих документов и сопровождаются обыском в служебных кабинетах и квартирах арестуемых без об'яснения причин. Наряду с этим продолжаются и насилия над арестованными, некоторые из коих подвергаются избиениям со стороны чинов полиции».

Тов. Райвид заявляет «решительный протест против всех этих действий манчжурских полицейских властей», требует сообщения о причинах ареста 38 советских граждан и настаивает на принятии эффективных мер к скорейшему освобождению арестованных советских граждан.

Официоз ЮМЖД о положении на Дальнем Востоке.

БЕЙПИН, 22 августа. (ТАСС). Официозный орган ЮМЖД в Дайрене **«Манчжурия дейли ньюс»** в статье от 17 августа о положении на Дальнем Востоке откровенно пишет о том, что существует определенная точка зрения, согласно которой создавшееся на КВЖД положение является результатом применения при переговорах метода «запугивания».

«Переговоры о продаже КВЖД, — продолжает официоз ЮМЖД,—не закончены. Хотя Охаси и выехал в Чаньчунь, отсюда еще не вытекает, что он не может их вести. Переговоры прерваны, но торг продолжается. Аресты и обвинения представляют собою не что иное, как метод воздействия, направленный к тому, чтобы добиться уступчивости в этом торге».

Как бы оправдываясь, официоз при этом поясняет: «Не следует забывать, что в нашей части света применяются другие способы и маневры, нежели на западе».

Радость творчества и радость освобождения. На с'езде писателей.

Старик в бешмете и мягких горных постолах *неслышным шагом подошел к трибуне.* Безжалостный свет «юпитеров» ударил ему в лицо, но старик остался совершенно спокоен. Он начал свою речь на родном языке голосом неожиданно сильным и молодым. С'езд откликнулся на его первые приветственные слова долго несмолкавшими аплодисментами, и старик принял их с законной гордостью, как должное.

Это был известный всему Дагестану народный поэт **Сулейман Стальский** — делегат и член президиума всесоюзного с'езда советских писателей. Голос 66-летнего поэта и певца звучал молодо и сильно потому, что это был голос человека, освобожденного революцией, и еще потому, что народный певец Сулейман Стальский здесь, на с'езде, говорил не только от своего имени, но и от имени своего народа, освобожденного Октябрем.

Старый поэт говорил о простом и великом — о революции и борьбе за новую жизнь. Он рассказывал о новых дорогах, проложенных большевиками в горах Дагестана; об электростанциях, возникших там, где раньше шумели горные потоки и разбегались козьи тропы; о радости коллективного труда и завоеванной зажиточной жизни. Мало кто из присутствовавших понимал слова Стальского, но все слушали с огромным вниманием, ибо умел дагестанский поэт придавать своим словам и жестам подкупающую силу убеждения.

Поэту не пристало довольствоваться *сухой прозой, и потому* своею речь Сулейман Стальский завершил горячей и радостной песней, посвященной с'езду.

По-русски эта песня звучала так:

Не торопясь сквозь дождь и зной
Мы в дальность дальнюю пришли:
Товарищ Ленин — мудрый вождь,
Его увидеть мы пришли.
Голодной жизни дикий луг
Вспахал его могучий плуг.
Товарищ Сталин — вождь и друг,
К нему с приветом мы пришли.
Красноармеец и нарком
Мне кровно близок и знаком,
И все товарищи кругом,
Что в этот светлый зал пришли.
Развеяв нищей жизни хмурь,
Мы солнце подняли в лазурь.
Живи, наш Горький, вестник бурь!
Мы навестить тебя пришли.
Поднявший меч в октябрьский час,
В социализм ведущий нас
Да здравствует рабочий класс!
Как братья мы к нему пришли.
Глядя грядущему в лицо,
Отряды молодых певцов
Сюда, в Москву, со всех концов
На с'езд писателей пришли.
В крутые годы битв и гроз
Наш молодой Союз подрос.
Раскрылись чаши красных роз,
Мы в этот чистый сад пришли.
Наш день, как горный воздух свеж
Сквозь годы сбывшихся надежд.
В горящем пурпуре одежд
Мы к веку юности пришли.
Моя великая страна
От рабства освобождена.
Проснулись мы от злого сна,
Проснулись и сюда пришли.
В большой простор нагорных стран,
Приветный знак ашугу дан.
И вот я, Стальский Сулейман,
На славный с'езд певцов пришел.

Когда, спрашивается, мог дагестанский поэт заговорить громко, молодо и сильно, заговорить на весь мир языком своего народа с такой великолепной трибуны?

Революция возвела ашуга Сулеймана Стальского на эту трибуну, и потому песнь его, посвященная с'езду, прозвучала как громкая слава великому Октябрю.

... В свое время славился Палех иконописцами, или, попросту говоря, богомазами, поставлявшими на всю «святую Русь» канонические лики святых угодников и бесчисленных «богородиц». Обязанные рисовать строго по уставу, палехские художники хоронили в землю свои бесценные таланты и высокое мастерство. Революция дала великую силу ашугу Дагестана, революция освободила палехских художников от кандалов церковщины и дала возможность засверкать их искусству полным блеском.

И с'езд писателей—художников слова— пришли приветствовать художники-палешане. Их делегат **Зубов** сказал:

— Лучшие наши мастера приступили к художественному оформлению литературных произведений классиков и современных писателей. Мы имеем ряд друзей в числе здесь присутствующих и надеемся, что настоящий с'езд советских писателей укрепит и расширит эту смычку и взаимное сотрудничество.

Притягательная сила писательского коллектива, собравшегося на с'езде, вызывает ответное движение среди всех работников искусства и интеллектуального труда!

... Слово для приветствия получила московская колхозница **Смирнова.** Ее речь была горячей и беспощадной. Она говорила о своей жизни, о том, как она, в недавнем прошлом неграмотная женщина, вот уже 4 года—председатель колхоза, «а это, почитай, все равно, что директор фабрики»; о своих детях, которым революция открыла великолепную дорогу жизни; о борьбе за колхоз, бабьих слезах и мужицкой косности; об урожайности колхозных полей и больше всего о колхозной женщине, колхозной ударнице.

И она сказала:

— Товарищи писатели, не в обиду вам сказать, что у вас есть большая недоработка в ваших книгах. В ваших книгах не сказано еще о колхознице-ударнице. А ведь женщина, как сказал товарищ **Сталин,**— большая сила, а вы о ней не позаботились. Возьмите шефство над моим колхозом. Вот тот писатель, который «Лапти» написал, пусть бы он приехал в колхоз, описал бы и взял бы шефство над женщинами...

Нет, пожалуй, со с'ездом еще никто так не разговаривал! И с'езд не обиделся. С'езд ответил колхознице Смирновой бурными аплодисментами и признал все ее слова правильными.

Это было требование темы и требование качества, это был подлинно социальный заказ.

Вчерашний вечер на с'езде показал еще раз, как велика тяга советского читателя к культуре, как неизмеримо вырос этот читатель, каким единым стремлением черпать из родника творчества полны все народы страны Советов.

* * *

И выступавшие писатели снова и в этот вечер говорили о том, как лучше обслужить этого нового великолепного читателя, как лучше писать книги. Об этом говорил в своей взволнованной речи Юрий **Олеша,** рассказавший о возвращении молодости и творческих сил при изучении великой действительности наших дней. Об этом говорил **Алексей Максимович Горький** («мы все еще иногда пользуемся правом писать плохо»). Об этом говорили Всеволод **Иванов, Фадеев, Сайфуллина** и другие ораторы.

Они отвечали этим колхознице Смирновой и художнику-палешанину Зубову, они присоединяли свой голос к голосу дагестанского ашуга Сулеймана Стальского, воспевавшего радость творчества и радость освобождения.

НАКАНУНЕ XX МЕЖДУНАРОДНОГО ЮНОШЕСКОГО ДНЯ.

СОБРАНИЕ ПАРТИЙНОГО АКТИВА МОСКВЫ.

Вчера в Большом зале консерватории происходило собрание актива московской организации ВКП(б). Присутствовало около 2½ тыс. человек. Председательствовал секретарь МК и МГК тов. **Хрущев.** Обсуждался не совсем обычный для такого рода собраний вопрос — о Международном юношеском дне. Инициатива постановки этого «сугубо комсомольского» вопроса на широком партийном активе принадлежит тов. **Л. М. Кагановичу.**

Актив очень тепло встретил секретаря ЦК ВЛКСМ тов. **Косарева** и внимательно прослушал его яркий 2-часовой доклад. Тов. Косарев *подробно* говорил о подготовке войны против СССР и попытках воспитывать рабочую молодежь капиталистических стран в милитаристском и шовинистическом духе.

* * *

В прениях по докладу тов. Косарева выступил встреченный бурными аплодисментами тов. **Мануильский.** Затем—тов. **Аросев** (ВОКС) и тов. **Стасова.**

* * *

Собрание приняло резолюцию и послало приветствие пролетарской молодежи всего мира и ленинскому комсомолу СССР.

Резолюция партийного актива Москвы.

Заслушав доклад тов. **Косарева** о *Международном юношеском дне, актив московской* городской организации ВКП(б) считает, что каждая партийная организация Москвы, каждый коммунист в отдельности должны принять самое активное участие в подготовке и проведении XX Международного юношеского дня с тем, чтобы еще более повысить роль комсомола в социалистическом *строительстве, чтобы поднять* на должную высоту боевую мобилизованность и готовность трудящейся молодежи к защите своей великой родины, чтобы еще выше поднять интернациональное сознание молодежи и ее воспитание в духе большевизма, в духе верности пролетарскому интернационализму.

ЛИТЕРАТУРА УКРАИНЫ НА ПОД'ЕМЕ

Доклад председателя союза писателей УССР тов. И. Кулика на всесоюзном с'езде писателей.

Ознакомление с прошлым литератур народов Союза Советских Республик убеждает в том, что даже до Октябрьской революции, в условиях ужасающего национального гнета, они сумели все-таки выдвинуть ряд крупнейших имен, крупнейших творцов, мастеров художественной литературы, произведения которых вошли в сокровищницу всемирной литературы.

Я, товарищи, успел ознакомиться с некоторыми материалами по литературе народов Союза Советских Республик, которые были здесь розданы делегатам; и пусть не удивит вас, товарищи, то, что свой доклад об украинской литературе я начну с литературы грузинской.

Я прочел те материалы, которые тов. Торошелидзе намерен использовать в своем докладе о грузинской литературе. Эти богатые, интересные материалы во многом дополнили то, что было нам известно о современных произведениях грузинских писателей.

Я считаю, что автор этих материалов нисколько не преувеличивал, когда назвал «Барсову шкуру» Шота Руставели одним из крупнейших произведений всемирной литературы. Я считаю, что его оценка такого поэта, как Николо Бараташвили, совершенно верна.

Грузинская классическая художественная литература необычайно богата, и, очевидно, ее влияние очень сильно сказывается и на современных грузинских писателях. Влияние это, очевидно, настолько сильно, что некоторая часть наших товарищей считает необходимым все чаще и чаще полемизировать с нею, хотя бы в духе высказанного т. Горьким соображения о том, что «...роль буржуазии в процессе культурного творчества сильно преувеличена»... Проблема обеспечения критического восприятия и преодоления классического наследия—эта проблема стоит так же остро для всех литератур Советского Союза, и особенно для молодых литератур, для литератур, которые по-настоящему, ярко, мощно начали развиваться только после победы диктатуры пролетариата.

Мне придется в дальнейшем говорить о подобных явлениях и о том, как стоит эта же проблема для украинской литературы. Пока я хочу сказать, что ознакомление с литературами других народов СССР, с процессами, которые там происходили, не только обогащает нас материалом для нашего творчества, но и об'ясняет новое, что часто кажется нам загадочным или недостаточно об'яснимым в нашей литературе, обогащает нас опытом в классовой борьбе за социалистическую литературу.

Проведя несколько интересных параллелей между путями отдельных писателей Грузии и Украины, т. Кулик говорит:— Я мог бы сослаться на подобные интереснейшие явления в области художественной литературы, в области классовой борьбы за литературу, в литературах Армении, Белоруссии и ряда других народов СССР, но, к сожалению, мне не хватит тогда времени, отведенного на мой доклад.

Необходимо указать на то обстоятельство, что на ряду с большой общностью процессов развития советских литератур народов СССР, в каждой из этих литератур сохраняется своеобразие путей развития.

Одним из примеров такого своеобразия в развитии украинской советской литературы является то, что она, пожалуй, больше, чем литература какой бы то ни было другой страны и народа СССР, была все время об'ектом жесточайшей классовой борьбы.

Контрреволюционеры, украинские националисты в течение очень продолжительного времени пытались (они не оставляют этих попыток и сейчас) захватить в свои руки украинскую литературу или, по крайней мере, оказать на нее хотя бы частичное влияние.

Те достижения и победы, с которыми пришла к своему республиканскому и 1-му всесоюзному с'езду украинская советская литература, несомненно, значительны, но мы смогли их достигнуть только в жесточайшей классовой борьбе, только в непосредственной связи и союзе с пролетариатом всего СССР. Эта связь, товарищи, и руководство Коммунистической партии большевиков обеспечили свободное развитие Советской Украины в составе Союза.

Классовые враги, иностранные империалисты, их агентура внутри страны, их прямые помощники—национал-уклонисты, те, что были представителями шумскизма, хвылевизма в свое время, националистического уклона Скрыпника,— стремились уничтожить все колоссальные достижения социалистического строительства, в частности приобретения социалистической литературы. Если бы им это удалось, то мы в лучшем случае были бы приведены в такое состояние, какое, скажем, переживает литература на Западной Украине, под сапогом иностранных оккупантов, фашистов.

Тов. Кулик подробно останавливается на полном разложении, маразме и бездарности украинской эмигрантской и западноукраинской буржуазной литературы и далее говорит:

— Но и на Западной Украине, за границей, в чрезвычайно тяжелых условиях развивается революционная литература, и эта революционная литература празднует этот с'езд вместе с нами, празднует его, как и свою победу. Наш привет им, тем нашим братьям по оружию, которые находятся в ужасных условиях фашистского режима там, на Западной Украине, за границей! Наш привет им, как единомышленникам и союзникам, как братьям по оружию!

ГОД ПЕРЕЛОМА.

Для украинской советской литературы, так же как и для литературы всего Советского Союза, постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года открыло новые колоссальные возможности дальнейшего роста, дальнейших побед. Но путь осуществления этого постановления на Советской Украине, в украинской советской литературе, был несколько отличный от других республик, в частности РСФСР. Украинская пролетарская и советская литература не сумела полностью использовать все условия, созданные постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. Почему именно? Потому, что этому мешала вредительская работа контрреволюционеров, шпионов, двурушников, петлюровцев, которые отчасти пролезли и в ряды парторганизации Украины, которых немало было и среди нас, в рядах советских писателей. Им помогали национал-уклонисты, остатки «ваплитовства», хвылевизма, скрыпниковцы, которые с ними целиком сходились, поддерживали их. Эта их вражеская работа, конечно, облегчалась притуплением большевистской бдительности КП(б)У, недостаточной борьбой против национал-уклонистов.

Бесспорно, притупление классовой бдительности отразилось на работе оргкомитета союза советских писателей Украины. За этот первый период мы проглядели много дел, на которые должны были прежде всего реагировать, поскольку влияние этого местного украинского национализма и двурушнической контрреволюционной деятельности наших классовых врагов особенно ярко проявилось в художественной литературе. И таким образом дело дошло до того положения, о котором ноябрьский пленум ЦК и ЦКК КП(б)У сказал: «При значительном росте украинской советской литературы и писательских кадров на этом фронте особенно отчетливо выявилось влияние буржуазно-националистических элементов и их агентуры в партийных рядах».

Начало нового перелома во всей работе, начало исправления тех недостатков, которые были допущены в предшествующие годы — 1931 и 1932; начало решительной перестройки и повышения национального культурного строительства, а следовательно и развития советской литературы связано с той колоссальной помощью, которую после январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 года оказал нам ЦК ВКП(б) и прежде всего товарищ Сталин.

Еще в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 14 декабря 1932 года было обращено внимание на ошибки и недостаточную бдительность, допускаемые в процессе осуществления нацкультстроительства на Украине, в процессе украинизации.

В соответствии с этой директивой ЦК ВКП(б) и всесоюзное правительство оказывают громадную помощь Советской Украине, присылают сюда на работу группу непреклонных большевиков во главе с Павлом Петровичем Постышевым. И этот период (и в особенности июньский и ноябрьский пленумы ЦК КП(б)У) был переломным для всей работы на Украине, был переломным в частности и для литературы. Была взята линия на всестороннее усиление связи украинской советской литературы с литературой и искусством других народов СССР и одновременно на то, чтобы ликвидировать ту националистическую линию, которая проводилась при помощи Скрыпника на отчуждение украинской литературы от русской пролетарской культуры.

Конечно, борьба с националистами и с остатками их влияния на художественно-литературном фронте далеко еще не закончена. Есть еще попытки противопоставлять украинскую литературу русской, попытки, в основе своей скрывающие стремление оторвать УССР от СССР. Мы, естественно, и усиливаем борьбу против таких явлений и в литературоведении и в критике.

В частности вплоть до последних дней не были еще окончательно разбиты националистические оценки дореволюционной украинской литературы, что в связи с актуальностью задачи учебы у классиков очень отрицательно отражается на нашей работе. Этому вопросу наш с'езд уделил серьезное внимание.

Еще недавно у нас и в историко-литературных источниках и в преподавании были распространены грубо фальсификаторские шовинистические («труды» контрреволюционера Рвчицкого) и просто путаные оценки творчества Т. Г. Шевченко. Полную ясность в этот вопрос внесли тезисы Культпропа ЦК КП(б)У, изданные к юбилею Шевченко.

Эти тезисы, основываясь на установках Ленина о критическом усвоении культурного наследия, сохраняя полностью историческую перспективу, доказывают, что такая ленинская оценка определяет настоящее место классика, устраняет аллилуйщину и не только не снижает его в глазах потомков, а наоборот, подчеркивает настоящее значение его роли. Разве утратил что-нибудь в наших глазах Шевченко, когда было ясно сказано, что он «не выступал и не мог выступать против основ буржуазного строя», что он был выразителем революционности буржуазной крестьянской демократии? Ведь это ставит его рядом с лучшими людьми того времени—с Чернышевским, Добролюбовым.

И влияние наследия Шевченко на современную поэзию, не только украинскую, вполне оправдано — и гениальностью его, как поэта, и его исторической ролью.

Я мог бы привести еще немало фактов националистического освещения классического наследия. Например, попытки противопоставлять взаимное влияние русской и украинской литературы, хотя бы попытка отрицать связь Максима Горького и Михаила Коцюбинского. А когда эту связь уже нельзя было отрицать, потому что А. М. Горький свою переписку с Коцюбинским подарил Черниговскому музею и она была опубликована, тогда националисты начали популяризировать новую легенду о том, что связь, дескать, была, но никакого влияния Горького на Коцюбинского не могло быть—напротив, это, дескать, Коцюбинский просто «использовал» Горького «для украинского дела».

Я полагаю, что теперь этот вопрос можно было бы считать уже совершенно решенным.

Нам очень помогло письмо Алексея Максимовича, полученное мною незадолго до с'езда. Да и не только в этом вопросе, а и в целом ряде других существеннейших проблем, стоящих перед украинской советской литературой и освещенных в этом письме.

Но был в этом письме вопрос, заставивший меня покраснеть со стыда:

«Имеется ли очерк истории украинской литературы, а если нет,—предполагается ли написать таковой? Это очень нужно для нас, северян, а то наша молодежь ничего не знает о прошлом Украины. Необходимо взаимно обменяться знанием прошлого,—для всех союзных республик нужно, чтоб белорус знал, что такое грузин, тюрк и др., а все другие знали, что такое украинец, белорус, узбек, татарин и т. д. Верно?»

«Верно?»—спрашивает Алексей Максимович. Я думаю, что ответ может быть с нашей стороны только один, и этот ответ был дан с'ездом, горячо приветствовавшим Алексея Максимовича. Но, товарищи, все-таки факт, что такого очерка истории украинской литературы, который можно было бы рекомендовать советскому читателю за пределами Украины, у нас нет. И с'езд поставил перед нами задачу создать марксистско-ленинскую историю украинской литературы.

Но дело не только в классиках и—«далекой истории». Надо также дать решительный отпор всяким попыткам неправильной и, по существу, националистической оценки процесса зарождения и развития пролетарской литературы на Украине, той путанице и неверным националистическим оценкам, которые имеются в вопросе об ее основателях.

Следует помнить, что попытки изобразить процесс зарождения и развития украинской пролетарской литературы, приписывая создание ее персонально кому бы то ни было (а не партии), эти попытки исходят из стремлений отгородить украинскую пролетарскую литературу от русской пролетарской литературы. Вот о чем предупреждал нас товарищ Сталин, предвидя это явление, заметив опасность по первым ее признакам, по первым выступлениям Хвылевого. Товарищ Сталин в своем письме к т. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У по поводу выступлений Хвылевого писал:

«Тов. Шумский не видит, однако, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения — против ленинизма» (Сталин, «Марксизм и национальный вопрос», стр. 173).

Вообще, товарищи, надо нашему литературоведению и критике внести ясность в освещение процесса зарождения и развития пролетарской литературы в СССР. В первом союзе пролетарских писателей — «Гарте» — этот процесс только намечался. Иные формы получил этот процесс в ту эпоху, когда было написано это письмо товарища Сталина, когда были созданы подлинно пролетарские организации—ВУСПП и «Молодняк». Эти организации, возникшие в процессе резкого размежевания классовых сил украинской литературы, в процессе борьбы против «Ваплите», шумскизма, хвылевизма, под руководством КП(б)У, во главе которой стоял Лазарь Моисеевич Каганович, — они были направлены на осуществление ленинской национальной политики, и именно за это так ненавидели ВУСПП ваплитовцы, пытаясь даже отрицать право подлинно пролетарских писателей на место в литературе.

Хотя ВУСПП были свойственны некоторые ошибки РАПП, но неправильно механически отождествлять ВУСПП и РАПП. Мы полагаем, что многих ошибок РАПП ВУСПП все-таки не повторял и больше имел в своей работе положительного в области организации и привлечения советских писателей.

Наша литература, литература УССР, вступает в новый период своего существования в пределах единого союза советских писателей, с крепкой братской связью между украинской советской литературой и литературой всех народов СССР, с большими конкретными достижениями, с обменом опытом между литературами разных республик, народов СССР. В этом отношении мы многим обязаны помощи, оказанной нам Всесоюзным оргкомитетом. Во всей нашей сложной работе Оргкомитет СССР приходил нам на помощь, и особенно мы должны с благодарностью отметить работу украинской комиссии всесоюзного оргкомитета во главе с т. Стецким.

Мы не можем не отметить этой большой работы, направленной на популяризацию лучших достижений украинской советской литературы во всем Союзе, на перевод лучших книг украинских авторов на русский язык, хотя с этими переводами (в частности ГИХЛ'овскими) не всегда обходилось гладко.

Среди лучших критических статей о советской украинской литературе значительное место занимают статьи-доклады т. Ф. Гладкова, т. А. Безыменского и других членов украинской комиссии Всесоюзного оргкомитета.

Наконец, участие тт. Стецкого, Юдина, Гладкова, Безыменского, Сейфуллиной, Ромашева непосредственно в проведении нашего с'езда, их выступления на с'езде в значительной мере обеспечили успешное его проведение.

ЛЮДИ И КНИГИ...

Каковы те конкретные достижения творческого порядка, с которыми мы пришли на с'езд?

Первое, что отмечает нашу прозу за последние годы, это то, что тематика ее стала гораздо актуальнее, что проза стала значительно активнее и быстрее отзываться на события текущей нашей жизни, социалистического строительства, классовой борьбы. При чем ведущая роль в определении тематики, так сказать, тематическое новаторство, как и новаторство идейное, принадлежит здесь писателям-коммунистам.

Тут и проблема перевоспитания человека, превращения вчерашних отбросов общества в сегодняшних создателей социализма. Отображение этой проблемы дано в романе «Ранок» И. Микитенко.

Новые формы классовой борьбы на селе, новый этап колхозного строительства—тема очень и очень актуальная, особенно для советской Украины — отразились в произведении И. Кириленко «Аванпосты» Превращение большой царской колонии в цветущую индустриальную страну в результате осуществления ленинской национальной политики, на базе Узбекистана показывает Иван Ле в «Романе Межгорья». Днепрострой является темой романа В. Кузьмича «Турбины». Оборонную и индустриальную тематику об'единяет роман комсомольца Н. Рыбака «Орудия жерлами на Запад». Я мог бы назвать еще немало произведений на актуальные темы, разных по своему уровню. Я просто не имею возможности все это назвать, хотя бы потому, что, во-первых, не хочу допускать параллелизма с теми товарищами, которые будут выступать в прениях, а во-вторых, меня больше интересуют процессы, происходящие у нас в литературе, чем перечисление имен и произведений. Один из самых интересных процессов—это перестройка беспартийного писателя, его идейный рост. Это заметно в произведениях, уже нашедших себе достаточную и довольно высокую оценку в критике и в УССР, и за пределами Украины. Это можно сказать о произведении О. Копыленко «Народжується мисто», о произведениях Г. Коцюбы «Нови береги» и «Родючість», А. Головко «Мати», П. Панча «Право на смерть», Смолича «Сорок вісім годин», при чем творчество этих авторов интересует нас еще тем, что в них особенно ясно заметен процесс идейного роста, выздоровления, если сравнить их с предыдущими произведениями, написанными в те времена, когда существовали «Ваплите» или «Пролітфронт», когда разлагающее влияние этих организаций распространялось на немалое число писателей. Некоторые из названных мною товарищей принадлежали к этим организациям. Скажем, к примеру, произведение Копыленка «Народжується мисто» является бесспорно победой хотя бы потому, что в нем правдиво показан процесс освобождения советской женщины от мелкобуржуазного обывательского быта, элементы которого достались нам в наследство от капитализма. А тот же Копыленко, несколько лет назад, сорвался как раз на попытках показать этот же самый процесс в романе «Визволення». При чем он тогда взял героиней женщину—работницу, а теперь—интеллигентку. Следовательно, задача была теперь сложнее; и все-таки он теперь справился с ней, а в первый раз провалился именно потому, что подходил тогда к этой проблеме с совсем иных установок, с другой точки зрения, с точки зрения, привитой ему организацией, с которой он был тогда связан, организацией националистической.

Возьмем Г. Коцюбу, его «Нові береги» про Днепрогэс», его «Родючість» — проблема повышения урожайности. Если сравнить его теперешние произведения с произведениями того времени, когда он находился в «Ваплите», с повестью «Змова масок», где он очень искаженно показал взаимоотношения между большевиками и петлюровцами, то разница не малая. Тот же Коцюба в последних произведениях, в произведении «Нові береги» показал, как перерабатывается психология людей, показал, как по-новому начинают работать колхозники, как они относятся к пониманию принципа социалистической собственности. Одновременно Коцюба, бесспорно, мобилизует классовую бдительность, сосредоточивает на ней внимание в последнем произведении «Родючість», где он показывает, как нашего советского профессора враги стараются втянуть во вредительское логовище и как побеждает влияние на него партийно-комсомольского окружения.

Вот Ю. Смолич. Если сравнить его «Фальшиву Мельпомену», где он будто иронизировал над петлюровцами, но в довольно мягком тоне, с последним произведением «Сорок вісім годин», где, напротив, Смолич со всей решительностью сосредоточивает внимание опять-таки на классовой бдительности, направляет ненависть против классового врага, противопоставляет наше, советское социалистическое строительство системе капиталистической эксплуатации и разложению в империалистических странах, то это, бесспорно, не может не свидетельствовать о значительном процессе его роста сравнительно с предыдущим периодом, свидетельствует и о том, что вся наша советская литература поднялась на высшую ступень. Это не может не свидетельствовать о важных и уже конкретных достижениях в художественной литературе, имеющихся у нас в результате осуществления постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., и помощи, которую оказали Украине ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин.

Мне не придется теперь говорить о последних произведениях П. Панча — «Право на смерть» и А. Головко — «Мать». На Всеукраинском с'езде я отмечал, что произведения эти, по своим художественным качествам являясь значительным вкладом в советскую литературу, не лишены существенных недостатков идейного порядка. Теперь мне на этих недостатках останавливаться не придется, так как авторы сами в своих выступлениях не только раскритиковали эти недостатки, но и поделились со с'ездом подробными планами переработки этих произведений. Это дает нам некоторое представление о том серьезном и деловом самокритическом тоне, которым отличались прения на нашем с'езде.

Интересна и показательна в смысле идейного и творческого роста писателя повесть И. Гордиенко на колхозную тему—«Зерна».

Надо отметить, что и еврейские, и русские писатели на Украине тоже дали за этот период значительно лучшие произведения, чем произведения этих же авторов до постановления ЦК от 23 апреля. Произведения Альбертона, Орланда, перестройка символиста в прошлом Нистера свидетельствуют об этом. Тут нельзя не отметить такого очень ценного произведения, как «Степь зовет» Ноте Лурье. Не плохую книгу, также на колхозную тему, дал Э. Шехтман, — роман «На острие». Оба они комсомольцы. Заслуживает внимания такое произведение на русском языке, как «Фронт» Тардова — эпопея империалистической войны и борьба большевиков в условиях подполья. Можно было бы назвать еще ряд произведений и еврейских, и русских писателей. (С. Левитиной, Дубинского и др.).

Перехожу к драматургии, которая вообще проявляла у нас уже давно тенденцию к более значительному развитию, чем другие виды литературы, актуальнее и полноценнее откликаясь на проблемы социалистического строительства. Именно это и свидетельствует о том, что украинская советская литература развивалась теми путями, по которым направляла ее развитие партия. Ибо все мы помним, что наша партия большевиков, ее ЦК и товарищ Сталин не раз за это время подчеркивали все значение драматургии как самого массового, народного вида литературы, не раз требовали от нас самого внимательного отношения именно к драматургии.

Но не следует забывать, что как раз в области драматургии мы в течение предыдущего периода наблюдали также попытки националистического извращения партийной линии, факты явного влияния национализма. Яркими показателями этого является хотя бы большинство пьес Миколы Кулиша и работа театра «Березіль», когда им руководил Курбас, базировавшийся по существу на пьесах, которые давали ему материал для враждебной нам политики.

В процессе борьбы за создание советской драматургии на Украине проявились две антагонистических тенденции, яркими представителями которых были, с одной стороны, тот же Кулиш, а с другой — И. Микитенко (пьесы «Диктатура», «Девушки нашей страны» и ряд других) и группа советских пролетарских драматургов, стоявших приблизительно на одинаковой с ним позиции. Одна линия — линия Кулиша — противопоставляла себя пролетарскому интернационализму, противопоставляла себя коммунистической партии большевиков. Другая линия боролась за партийные позиции, боролась за пролетарский интернационализм. В борьбе с проявлениями национализма развивалась и крепла украинская советская драматургия.

При чем здесь за последнее время происходил двойной процесс: рост молодых пролетарских кадров при одновременном, более решительном, чем до сих пор, переходе на социалистические позиции представителей старшего поколения писательской интеллигенции. Иллюстрацией этого процесса являются результаты всесоюзного драматургического конкурса и премирование, с одной стороны, комсомольца О. Корнийчука за «Гибель эскадры», а с другой — И. Кочерги за «Часовщик и курица».

Интересную пьесу о большевистском подполье в условиях империалистической оккупации написал Л. Первомайский — «Ваграмова ночь». Удачно дебютировал С. Голованивский пьесой о китайских событиях — «Смерть леди Грей».

Украинская делегация в зале заседания с'езда: в первых рядах—тт. Тардов, Кузьмич, Щербина, Лурье, Копыленко, Терещенко, Коваленко М., Коцюба, Городской, Беспощадный.

В украинской советской поэзии особенно быстро растет молодежь. Ярко и положительно проявила себя эта молодежь во время последнего творческого совещания по поэзии.

В прозе молодежь проявила себя меньше. Я знаю только одного молодого новеллиста, о котором уже можно говорить как о товарище, проявляющем определенные тенденции роста, хотя он еще не освободился от довольно серьезных из'янов; я имею в виду М. Ковальчука.

Другое дело в поэзии. Поэты, к которым мы привыкли относиться как к молодым, перестали уже быть «юношами» в смысле места, занимаемого ими в поэзии. Я имею в виду Л. Первомайского, С. Голованивского, П. Усенко, целую плеяду товарищей донбассовцев, в частности Ю. Черкасского. Растут пришедшие совсем недавно в литературу ударники-поэты И. Муратов и ряд других. Однако, есть определенная часть молодежи или бывшей молодежи, которая растет недостаточно быстро, останавливается в своем развитии и не умеет сделать надлежащих выводов из темпов своего роста, выводов об учебе, о повышении своего уровня, и вместо этого занимается групповщиной.

В этой области, как и во многих других, к нам вполне относится то, что говорил в своей статье «О литературных забавах» Алексей Максимович Горький.

Основные недостатки нашей поэзии — это формализм, формалистическое экспериментаторство, риторичность, декларативность.

Чтоб покончить с поэзией, я должен сказать кое-что о мастерах старшего поколения. Начнем с П. Тычины. Он один из самых выдающихся у нас мастеров слова, образа. Мы замечаем бесспорные достижения в тематике произведений Тычины. Все мы знаем произведения Тычины «Партія веде». Когда-то Тычина не так писал, когда-то он писал, что «за повстанцями йдуть, співають комуністи». Повстанцы, дескать, идут впереди, а уж за ними идут коммунисты. А теперь он показал и подчеркнул, что партия идет впереди. Это, бесспорно, победа Тычины над своими бывшими ошибками. Это—победа советской литературы в целом.

Равным образом я считаю такой победой новую тематику и у М. Рыльского. Что общего между этими двумя мастерами? То, что наряду с новой тематикой, новыми идеями у них иногда еще замечается неуверенность в выборе художественных средств для выражения этих новых для них идей.

Здесь нельзя не упомянуть о той эволюции, которую переживает М. Бажан,— медленнее, менее решительными шагами сравнительно с другими отрывающийся от тех националистических источников, которыми питались корни его творчества.

Очень вяло перестраиваются бывшие футуристы, «новогенераційці», например, М. Семенко.

Наряду с этим в русской, в еврейской советской поэзии на Украине мы наблюдаем определенное значительное развитие — и в еврейской даже более значительное по своим темпам, чем в поэзии других народов УССР. И здесь этот процесс получает несколько иные формы. И Фефер, например, остается на тех же ведущих позициях, как и раньше, и ряд товарищей, условно выражаясь, «старшего поколения», с достаточным литературным стажем, не уступает своих мест молодежи. Здесь и Х. Гильдин, и беспартийные товарищи Гофштейн. Хана Левина, Л. Квитко. Заслуживает внимания поэма Хащевацкого «Ленин». Молодежь в еврейской поэзии растет медленнее. В русской же поэзии, наряду с Я. Городским, впереди идут донбассовцы, молодежь.

Остановлюсь еще на одной проблеме первостепенной важности.

ЗА ПРОСТОЙ И ЯСНЫЙ ЯЗЫК.

Вопросы языка художественной литературы на Украине стоят особенно остро, так как язык за последние годы был об'ектом особенно напряженной классовой борьбы, об'ектом вредительства шовинистов и двурушников. Мы все помним «языковую» политику Скрыпника. Я думаю, что теперь мне уже нет надобности подробно на ней останавливаться, ибо каждый должен понимать, что культивирование архаической и националистической терминологии служит определенным проявлением борьбы враждебных элементов против партии и советской власти. Формалистическое экспериментаторство в этой области, как и в других, по большей части играет служебную роль маскировки враждебного нам содержания идеологии. Но когда мы подходим к проблеме создания нашего литературно-художественного языка, мы натыкаемся на ряд вопросов, которые некоторым из нас еще кажутся спорными.

Используя языковые приобретения классической украинской литературы, мы должны определить, у каких классиков нам прежде всего следует учиться работе над словом. Я считаю, что для нас в этом отношении особенно ценно наследие Тараса Шевченко. Надо решительно отбросить обывательскую болтовню русопятского порядка, что, дескать, шевченковский язык они понимают, а современного украинского они не понимают, а с другой стороны—презрительное отношение к Шевченко: «Ну, какой же у Шевченко был словарь!»

Я считаю, что Шевченко сыграл в создании украинского литературного языка не меньшую роль, чем Пушкин в создании русского литературного языка, возможно, что и большую. Но, черпая немало из его словаря, из его принципов словообразования, ограничиваться только шевченковским словарем мы не можем. В основу развития украинского литературного языка мы кладем все богатство языкового материала, созданного миллионами рабочих и крестьян в процессе борьбы за диктатуру пролетариата, в процессе построения социализма. Оказывая и в дальнейшем отпор попыткам архаизировать язык украинской литературы, попыткам лишить его интернациональных терминов или попыткам противопоставить его русскому языку, мы отбрасываем всякое упрощенчество, вульгаризаторство, нарочитую публицистичность. Мы боремся за простоту, ясность и популярность языка художественной литературы, без утраты его художественности.

И эти, и другие производственные проблемы, стоящие перед художественной литературой УССР на с'езде, по большей части общие для всех советских литератур СССР. Мы, решая их, будем и в дальнейшем усиливать братскую связь с литературами других республик и народов СССР, обмениваться опытом, обогащая друг друга, увеличивать свои усилия в борьбе против остатков враждебных классов, против пережитков капитализма в литературном творчестве.

Мы будем крепить эту связь, это единство, твердо помня слова Ленина:

«При единном действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи» (т. XVII, стр. 142).

ГРУЗИНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Доклад председателя грузинского союза писателей М. Торошелидзе на всесоюзнам с'езде писателей

Чтобы понять современную грузинскую литературу, надо знать ее истоки.

Поэтому, прежде чем приступить к оценке грузинской советской литературы и к проблемам, которые стоят перед ней в настоящий момент, уместно будет кратко коснуться истории грузинской литературы в главных этапах ее развития.

Это тем более необходимо, что в силу той разобщенности, которая существовала между народами Союза в эпоху царизма, и благодаря тому высокомерному пренебрежению, которое проявлялось тогда к литературе «инородцев», грузинская литература остается мало знакомой широкой общественности, хотя, казалось бы, она заслуживает внимания в силу ее исторических традиций.

Грузинская литература относится к числу древних литератур Востока. Дошедшие до нас памятники грузинской литературы относятся к IY—Y векам нашей эры, хотя зарождение грузинской литературы, по ряду данных, восходит к более ранней эпохе.

Мало того! Древнегрузинская литература представляет в известной мере уникальное явление и счастливое исключение из цикла основных литератур средневекового христианского мира в том отношении, что в Грузии получила блестящее развитие чисто светская изящная литература.

Для того, чтобы дать хоть некоторое представление об общем характере и стиле древнегрузинской литературы в эпоху ее наибольшего расцвета, мы из почти тысячелетнего отрезка времени, с IY—Y по XIII век, остановимся более подробно на одном памятнике, представляющем наивысшее достижение древнегрузинской литературы.

Речь идет о поэме Шота Руставели «Вепхис Ткаосани» («Носящий тигровую шкуру»).

Поэма Шота Руставели.

Поэма Руставели написана в конце XII и начале XIII века (между 1196 и 1207 годами).

Творение Руставели оказало исключительное влияние на всю последующую грузинскую литературу; это влияние продолжается и по сей день. Можно без преувеличения сказать, что за последние 700 лет поэма Руставели была и остается самой читаемой книгой Грузии. Она стала подлинно народным достоянием. Поэма издавна проникла в широкие народные массы, и ее популярность дошла до того, что она утвердилась в фольклоре и вокруг сюжета поэмы создались циклы сказаний. Афоризмы поэмы вошли в сокровищницу народной словесности, и изречения поэта повторяются в народе как пословицы и сентенции.

То обстоятельство, что произведение Руставели выдержало испытание семи столетий и до сих пор остается активным фактором грузинской литературы, конечно, не случайно: поэма Руставели—одно из самых великих произведений, которые дала литература за средние века.

В чем величие этого произведения, которое до сих пор «сохраняет значение нормы и недосягаемого образца» в грузинской литературе?

В творении Руставели нас пленяет исключительное, непревзойденное мастерство формы.

В чем специфичные особенности формы поэмы?

В поэме Руставели отмечено высшим мастерством то, что можно назвать «внутренней формой» произведения, именно раскрытие сюжета. С первых же глав поэт всецело овладевает вниманием читателя. Постепенное развертывание сюжета и нарастание интереса проведены с бесподобным артистическим тактом. Читатель следит с неослабевающим интересом за рассказом до последних строф поэмы.

Поэт проявляет исключительное чувство меры. Отсутствие длиннот и повторений и, выражаясь словами самого поэта, искусное осаживание поэтического коня, «когда исчерпан предмет беседы».

Стих Руставели до сих пор является непревзойденным идеалом в грузинской поэзии. И, пожалуй, и в мировой литературе мало найдется поэтов, равных Руставели в мастерстве стиха.

Рифма в руках поэта превращается в инструмент исключительной музыкальной выразительности. Руставели широко пользуется внутренними аллитерациями, достигая в этом поразительного мастерства: например, стих, где аллитерация слога «ше» повторяется 5 раз в одной стихотворной строке.

Афоризмы Руставели всегда органически связаны с тканью рассказа, но вместе с тем они как бы обладают самостоятельной поэтической жизнью. В афоризмах Руставели отчеканены с бесподобной поэтической выразительностью созерцания мудрого поэта.

Поэма Руставели, связанная глубокими корнями с Востоком, одновременно выявляет поразительные параллелизмы с литературой Запада. Это, конечно, обусловлено спецификой общественного строя Грузии этой эпохи. Феодализм Грузии не покрывает всецело общественный уклад стран Востока и проявляет очень много сродных черт с феодализмом Западной Европы при общности так называемой «средневековой христианской культуры».

Женщины поэмы Руставели —Нестан-Дареджан, Тинатин, Фатман — совершенно другие существа, чем женщины мусульманского Востока, женщины в мусульманской литературе и в жизни. Культ женщины, представленный в поэме Руставели, имеет очень много общего с поэзией трубадуров Западной Европы.

При большой близости общего духа поэзия Западной Европы является в ту эпоху еще незрелой по сравнению с грузинской поэзией и великой поэмой Руставели. «Дамы» средневековых трубадуров являются как бы отвлеченными схемами. От бесплотной идеализации, отдающей средневековым мистицизмом, не свободны и творения великого итальянца Данте. Между тем женские персонажи поэмы Руставели—люди, живые существа.

Откуда эта широта мировоззрения, выявленная в поэме Руставели, от которого веет духом гуманизма, в произведении, написанном в средневековой христианской стране?

Все это находит об'яснение в том явлении, что то мощное культурное движение, которое окрещено именем возрождения, дает в Грузии первые ростки за несколько веков до того, как оно нашло почву в Европе. Этому способствовало нахождение Грузии на рубеже и стыке двух миров — мусульманского Востока и средневекового христианского Запада. Непосредственное общение Грузии с двумя культурами, перекрестное влияние на Грузию двух культур—Востока и Запада, на определенной стадии общественного развития разбило скорлупу средневековой религиозно-христианской идеологии в Грузии, расковало национальную замкнутость, способствовало освобождению от пут средневекового мышления.

Своеобразный синтез культур Востока и Запада можно проследить и демонстрировать на поэме Руставели.

Так, поэт проявляет глубокое знакомство с западной, античной философией. Поэт цитирует Платона, и вообще духом платонизма веет от ряда строф поэмы.

С другой стороны, не менее чувствуется в поэме глубокое знание Востока. В ряде строф поэмы встречается реминисценция персидских и арабских авторов, Фирдоуси, Гургани, Низами, Эзра.

Поэма проникнута широтой миросозерцания и духом космополитизма, свободным от национальной замкнутости, ярким показателем чего являются персонажи поэмы. В ней любовно обрисованы люди разных национальностей. Так же широк и географический горизонт поэмы, охватывающей страны от Китая и Индии до Атлантики и от Африки до среднеазиатского Турана.

Руставели, преодолев узкую религиозную исключительность средневековья, достигает той широты мировоззрения и свободомыслия, до которого не поднимался ни один из поэтов средневекового Запада, вплоть до эпохи Возрождения.

Тема Арчила—дела Грузии.

С падением Константинополя в 1453 году и с передвижением евразийских старых транзитных путей из Закавказья на юг, Грузия оказалась оторванной от непосредственного общения с Западом в области политической и экономической. Вместе с тем с севера к Грузии постепенно придвигаются границы русского государства.

Грузия в эту эпоху расчленена на ряд царств и княжеств, при чем воздействие внешних сил поддерживает этот распад, противодействуя об'единительным тенденциям. Экспансия внешних сил привела одновременно к тому, что от Грузии были оторваны целые провинции, подвергшиеся исламизации и денационализации.

Несмотря на острый антагонизм в политической сфере, исконное персидско-грузинское литературное сотрудничество продолжается в полной мере. Влияние персидской литературы упрочивалось через персидские произведения. В эту эпоху XVII—XVIII веков, как и раньше, на грузинский язык переводится целый ряд персидских классиков. Так, к XVI—XVII векам относится грузинская стихотворная версия Шах-намэ величайшего персидского поэта Фирдоуси.

Из поэтов, представлявших «персидское направление» в грузинской литературе, должен быть особо отмечен поэт Теймураз I ввиду его выдающегося таланта и большого влияния, оказанного им на последующую литературу.

Ему принадлежит ряд поэм в стиле персидской поэзии, где он свободно обработал сюжеты, популярные в персидской литературе. Таковы его поэмы: «Лейла и Меджнун», «Юсуф и Зулейха», «Шами-Парваниани» и «Вардбулбулиани».

Из них особо популярна последняя,— «Вардбулбулиани», любовная повесть о розе («варди») и соловье («булбули»). Мотивы этой поэмы, обработанной в типичном стиле персидских поэтических образцов, получали большую популярность, и отголоски его влияния докатились даже до порога XX столетия.

Оппозицию «персидскому направлению» грузинской литературы составило другое направление, так называемая «национальная школа», имевшая еще в XVII веке своих представителей в лице поэтов **Пешанги** (автора поэмы Шах-Навазиани), **Иосифа Тбилели** (автора поэмы о грузинском деятеле XVIII века Георгии Саакадзе) и поэта **Арчила.**

Вождем этого направления является Арчил. Воспитанный на поэзии Руставели и Теймураза, Арчил испытал влияние как одного, так и другого и умел должным образом ценить старых корифеев грузинского художественного слова. Но это не помешало ему остаться смелым критиком. Арчил подверг серьезной переоценке все литературное наследие и вынес строгий приговор увлечению персидской «выдуманно-сказочной», как он сам называет, тематикой. Этой «выдуманно-сказочной» тематике Арчил противопоставляет точку зрения «правдивого рассказа». Арчил дал замечательное во многих отношениях литературное произведение «Прения Теймураза и Руставели», в предисловии которого следующим образом формулирует свое мнение: «Всем сказочным рассказам предпочел я этот правдивый рассказ для переложения в стихи, и ничего придуманного в нем нет, за исключением того, что здесь Теймураз и Руставели как бы непосредственно вступают в прения. В остальном здесь правдиво переданы дела Грузии». Арчил, если можно так выразиться, выставляет принципы посвоему понятого реалистического направления.

Выступая в защиту «правдивого рассказа», Арчил с упреком обращается к поэтам прошлого и современности, которые свои поэтические силы расточали для передачи «персидских» сюжетов, и с своей стороны подчеркивает, что тема его—«дела Грузии». Стало быть, наряду с принципами «реализма» Арчил провозглашает и приоритет национальной тематики.

Арчил последователен как защитник пуризма национального языка. Он бракует стиль Теймураза, пересыпанный варваризмами, персизмами и туркизмами, и в свою очередь о своей поэзии заявляет: «Передаю грузинским языком, без примеси чужого языка».

Младшим современником Арчила является знаменитый грузинский писатель **Сулхан-Саба Орбелиани.** Он обессмертил свое имя в грузинской литературе сборником басен под названием «Книга мудрости и лжи».

По своим художественным достоинствам и глубине содержания «Книга мудрости и лжи» не уступает ни одному аналогичному памятнику, пользующемуся мировой известностью. Отличаясь чрезвычайным богатством и разнообразием содержания, басни Орбелиани представляют подлинное сокровище народной мудрости.

К числу грузинских писателей, работавших в русско-украинской эмиграции XVIII века, относится гениальный поэт Давид Гурамишвили.

В литературном наследстве Давида Гурамишвили центральное место занимает поэма «Давитиани». Поэт в этом творении продолжает традиции национально-реалистического направления грузинской литературы. Поэма представляет величественную эпопею, в которой отображены трагические судьбы его родины. Заброшенный на чужбину, поэт мысленно переносится в родную страну, страданиями которой он всегда печалился. В ярких образах и с изумительным мастерством поэт рисует историческую жизнь Грузии первой половины XVIII века, вскрывает ее неудачи, которые привели к политической катастрофе, разгрому Грузии и рассеянию по миру лучших ее сынов. Поэт в этом произведении достигает подлинно трагического пафоса, не имеющего равного в грузинской литературе.

Совершенно обособленное место в творческом наследии Давида Гурамишвили занимает его большая поэма «Кацвия пастух». Она представляет собой идиллию, где отображена жизнь крестьянства в стиле сельских поэм. Это первое произведение в грузинской поэзии, которое целиком посвящено жизни низших социальных слоев.

По духу это произведение совершенно не похоже на другие творения этого сурового гения. Оно насыщено жизнерадостностью и здоровым юмором реалиста. Несмотря на длинноты, поэма обладает большими поэтическими достоинствами.

Круг литературы XVIII века замыкается двумя большими лириками — **Бесики и Саят-нова.**

Саят-нова, происходивший из среды ремесленников, был народным ашугом. Армянин по происхождению, но связанный с Грузией культурой, языком и местом деятельности (Тифлис) и воспринявший вместе с тем и мотивы восточной народной поэзии, Саят-нова является межнациональным поэтом Кавказа. Он слагал и распевал свои песни на трех языках: грузинском, армянском и тюркском. Он поет обычно про любовь, как Бесики, но в поэзии Саят-новы представлены и мотивы, отражающие чувства и переживания низших социальных слоев.

Саят-нова был настоящим властителем дум городского простонародья, и его песни до сих пор распеваются народными сазандарами.

„Сиротство души“.

По обычному представлению в XIX веке, первый же год которого отмечен в жизни грузинского народа водворением русского владычества, судьбы дальнейшего развития грузинской литературы должны были коренным образом измениться: персидское влияние должно было уступить место влиянию русской, а через нее и западноевропейской литературы.

В действительности же это изменение произошло не так быстро. Очень характерна судьба переводной литературы. Переводили таких авторов, как Греков, Юркевич и Козлов, которые вряд ли известны даже русскому читателю, и очень мало переводили классиков. Например, Пушкину определенно не повезло в грузинской литературе. Его «Евгений Онегин» переводится и подготовляется к печати только в наши дни.

Лермонтову посчастливилось больше. Его переводили, но дело не обходится без характерных курьезов. Знаменитый поэт Илья Чавчавадзе не без горечи замечает в своих «Путевых записках», что известная часть русского общества по этим стихам Лермонтова судит о грузинах. Сам он переводил «Мцыри», но не докончил, видимо возмущенный следующим местом поэмы:

И божья благодать сошла на Грузию.
Она цвела с тех пор в тени своих садов,
Не опасался врагов
За гранью дружеских штыков,

которое он переводил так:

С тех пор как божья благодать
Сошла на измученную Грузию,
Все хорошее, что сделал штык русского,
Во сто крат воздай, бог, тому же русскому.

Совершенно иное отношение обнаруживают грузинская литература и грузинский читатель к родоначальнику пролетарской литературы — Максиму Горькому. Для удовлетворения потребностей революционно настроенного читателя, почувствовавшего в идеях и мотивах Горького самую тесную, органическую связь с их творцом, каждое произведение Горького переводят буквально на другой же день после его появления в русской печати. Но здесь уже чувствуется приближение революции 1905 года и новая классовая группировка.

Из западноевропейских классиков почти полностью переведены Шекспир, Шиллер, Мольер, при чем перевод Шекспира (Мачабели) считается одним из лучших среди переводов его на другие языки.

В первой половине XIX века Грузия в столь существенных чертах сохранила свою феодальную замкнутость, что нация в полном смысле этого слова еще не чувствуется; наоборот, литература отражает не интересы единой нации, а разобщенность, а подчас и враждебность между ее частями. Величайший грузинский поэт XIX века Николай Бараташвили почти совершенно чужд национальных мотивов.

Он, полный сил и энергии, не испытавший еще никакого разочарования, хочет действовать и бороться. Но убогая действительность Грузии делает его стремления беспредметными, ибо нет еще новой жизнеспособной силы, служению которой он отдал бы себя, нет еще общественного поприща, где он мог бы развернуть свои способности. Феодальный строй слишком медленно поддается разложению, чтобы поэт увидел хотя бы истоки нарождающихся сил, а внешний лоск европеизма, вносимый русским чиновничеством, являясь чисто наносным, не может даже на момент заполнить его духовный мир: он оказывается не у дел.

Он чувствует себя совершенно одиноким в окружающей его пустой жизни. «И грустно, и скучно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды», повторяет он слова великого поэта, с которым он чувствует родство, но вместе с тем сознает, что его невзгоды не минутного характера, а завладели всем его существом, и он их называет «сиротством души».

В своем знаменитом стихотворении «Пегас», которое является образцом художественного творчества, он с исключительным мастерством рисует трагизм человека, осужденного на монотонную, беспросветную жизнь, но под напором непреодолимых стремлений к неизвестному будущему не мирящегося с этим положением и направляющего все силы на то, чтобы разорвать сковывающие его цепи какой угодно ценой.

Романтика прошлого.

Илья Чавчавадзе—самая крупная фигура 60-х годов, своими поэтическими и публицистическими произведениями оказывающий сильное влияние на грузинскую литературу вплоть до наших дней.

Какими социально-политическими условиями определяется творчество И. Чавчавадзе?

Бесспорно, что грузинские шестидесятники находились под сильным идейным влиянием русских народников, русских разночинцев. В общем и целом они исповедывали те же освободительные принципы. Но несколько отличные от России условия иначе предопределили развитие идеологии грузинских шестидесятников. В Грузии не было разночинцев, отсутствовала интеллигенция как массовое явление, отсюда у нас не могло быть «хождения в народ», которое потребовало стольких жертв от русских разночинцев.

Тесное переплетение этих двух моментов—экономического и национального—лежит в основе творчества Чавчавадзе. Он—националист и как таковой стоит в оппозиции к правительству, не признающему ничего национального. Он оплакивает гибнущее дворянство и разделяет соответственную экономическую программу.

Он всецело разделяет взгляд шестидесятников на искусство и решительно отрицает «искусство для искусства». Каждое его крупное произведение предваряется какимнибудь эпиграфом, который показывает, какую тенденцию проводит в нем автор. Даже описание богатых пейзажей Кавказа никогда не привлекает его само по себе. Каждая величественная картина природы ему нужна для иллюстрации и популяризации той или другой излюбленной им идеи. Например, рассуждая о Казбеке и Тереке и сопоставляя их, он отдает предпочтение Тереку. Почему? Потому, что Терек является символом движения, символом самой жизни. Бешеный, необузданный, бесстрашный и мутный Терек напоминает ему борьбу, насыщающую жизнь и не дающую ей застояться. Наоборот, Казбек, хотя величественный, но холодный и недосягаемый, стоит в стороне от жизненных бурь: ни один нерв не дрогнет на его высоком челе.

В своей знаменитой поэме «Отшельник», в этом шедевре поэтического творчества, он резко осуждает индивидуализм, эгоистические заботы о самом себе.

Сопоставляя день с ночью, он отдает предпочтение первому опять в интересах борьбы и осмысленной жизни: «Уберите эту темную и спокойную ночь с ее снами и видениями и дайте мне ясный и беспокойный день с его страданиями, мучениями, борьбой и всякими невзгодами».

Он отверг старый, почти церковный язык, неудобоваримый для широкой публики (отверг и старую орфографию) и обогатил словесный материал народным говором, создал вместе с Акакием Церетели тот литературный язык, который существует до сих пор.

Нарисованные им типы по своей правдивости и цельности остаются непревзойденными в смысле яркого отображения своей эпохи: они стали нарицательными именами и вошли в разговорную речь.

Другой крупной фигурой 60-х годов наряду с И. Чавчавадзе является **Акакий Церетели.**

Церетели вместе с И. Чавчавадзе и, пожалуй, ревностнее, чем последний, насаждал в грузинской литературе антиправительственное и даже ярко антирусское направление.

Он безмерно идеализирует старую Грузию, не находя там ничего отрицательного. Родина была единственной идеей, которой жила старая Грузия, за нее умирали с улыбкой на устах цари, эти воплощенные ангелы, князья и вельможи — несравненные герои, представители духовенства — живые кандидаты на святых. Даже крепостничество древней Грузии являло картину общего благоденствия.

Но, преклоняясь перед прошлыми заслугами дворянства, Церетели с негодованием отворачивается от этого сословия в настоящем. Он решительно расходится в этом отношении с И. Чавчавадзе, который предоставлял руководящую роль в жизни грузинского народа дворянству, хотя и в буржуазной оправе. По его мнению, грузинский народ может спасти только низший трудовой слой народа, трудовым процессам и жизненным условиям которого он посвящает несколько высокохудожественных стихотворений.

Роза, соловей, майская ночь, луна, Брцаниссое поле, Мтацминдская гора — все это напоминает ему об одном, все это вдохновляет его на беззаветную любовь к родине, которая должна воскреснуть с обновленными силами. Он не мог исчерпать эту тему в продолжение более чем пятидесяти лет, его муза не иссякала, а, наоборот, давала все новые и новые образцы художественного творчества.

Неудивительно, что его стих, совершенствуясь, достиг высокой красоты и выразительности. В этом отношении он превосходит И. Чавчавадзе, и не без основания его сравнивают с автором классического образца древности «Барсовой кожи». Большинство его песен распевалось в народе, так как они имели много общего с народными песнями; в этом ему большую услугу оказывало его основательное знакомство с народной поэзией, на собирание образцов которой он положил много трудов.

Революционное движение 1905 года не застало поэта врасплох, он стал писать на близкие революции темы.

Он перевел «Интернационал» и проникся боевым настроением.

Творчество поэта вспыхнуло молодым пламенем, и он дал ряд стихотворений, в которых отразились веяния революции.

В особенности замечательно стихотворение, датированное мартом 1905 года: **«Этого я ждал и дождался, смеюсь и больше не плачу я».** Это стихотворение получило самое широкое распространение в революционной массе народа и еще выше подняло авторитет престарелого поэта.

Из шестидесятников особые заслуги перед литературой имеет **Д. Чонкадзе.**

Это—первый грузинский писатель, единственное произведение которого пропитано социальным протестом против крепостного права.

Чонкадзе разоблачает духовенство, которое само является крепостником, торгует крестьянами и при первом же случае доносит на крестьян с целью укрепления существующего режима.

В своей повести он дал также новый тип буржуа, который должен стать господином положения после падения крепостного права.

Весьма оригинальное явление в грузинской литературе представляет поэт **Важа Пшавела,** грузинский горец по происхождению и, несмотря на полученное образование, горец и во всей своей жизни. Из ряда вон выходящее творчество поэта созрело в условиях реакции 80-х годов, когда царизм с особенной силой стал давить на инородческие окраины, преследуя язык и все национальное, и когда усилившийся капитализм ломал старые устои и понятия.

Поэт одинаково ненавидит и царизм и буржуазную экономику: царизм — как поработителя Грузии, а капитализм — как разрушающий старые устои и стирающий национальные границы. Этим он открывает себе путь в романтику прошлого, в царство грез уходящего класса. Но прошлое ему не надо искать в исторических памятниках и документах: оно находится перед ним во всей своей жизненности и осязаемости в виде родной Пшаветии и Хевсуретии с их старым укладом жизни.

В 90-х годах прошлого столетия начинается новый период в грузинской литературе.

Переходную эпоху, предшествовавшую развитию революционного движения в Грузии, отразил в своем творчестве один из виднейших представителей грузинской литературы **Э. Ниношвили.**

Ниношвили обрисовал положение крестьянства, преимущественно его беднейшей части. Он дает такие художественные образы, которые превращают написанные им произведения в большое полотно. Таково, например, его произведение «Восстание в Гурии».

Глубокие экономические процессы происходили и среди дворянства. В продолжение XIX века его социально-экономическое положение было подорвано в корне.

Д. Клдиашвили дал в своем творчестве картину экономического упадка, оскудения и заката дворянства. В ярких красках передана писателем агония разоряющегося мелкого дворянства Западной Грузии. Перед нами проходит вереница типов, нарисованных с большим мастерством. Сам будучи выходцем из мелкопоместной дворянской среды, Клдиашвили дает о ней ряд классически завершенных повестей и рассказов. Произведения Клдиашвили насыщены тонким юмором: не без лукавства посмеивается он над своими «героями», не возвышая их, однако, до об'екта злой сатиры.

Советская литература.

Эпоха диктатуры меньшевизма, годы господства западноевропейского империализма и национальной спекулирующей буржуазии ознаменовались небывалым кризисом и упадком грузинской литературы.

В 1921 году в Грузии устанавливается советская власть. С этого момента развитие грузинской литературы идет по совершенно иным путям, в обновленной социальной обстановке. С первых же дней победы пролетарской революции в литературе намечается резкий перелом: революция вызывает среди писателей острую классовую дифференциацию. Меняются основные кадры литературного фронта, выдвигаются новые творческие силы из рядов рабочего класса и трудящегося крестьянства.

В первые годы пролетарской революции в Грузии выступает группа грузинских футуристов. В дальнейшем — это движение оформилось в «лефовское» течение, лучшие представители которого на следующих этапах своей творческой эволюции сумели освободиться от «лефовской» и формалистической теории и с приближением к идейным позициям пролетариата заняли видное место в грузинской советской литературе **(С. Чиковани, Д. Шенгелая).**

В то же время еще шире развивается пролетарское литературное движение. В первый же год установления советской власти организуется группа грузинских пролетарских писателей, в которую входят **С. Зули, С. Тодрия, Н. Зомлетели, Р. Каладзе, П. Самсонидзе, И. Вакели, И. Лисашвили, С. Таликвадзе** и др. Позднее эта группа превращается в ассоциацию пролетарских писателей, которая об'единяет в своих рядах все литературно-художественные силы, вышедшие из рядов рабочего класса.

Основные массы грузинской художественной интеллигенции приступают к активной творческой деятельности. С этого момента развертываются процессы беспрерывного роста и развития грузинской советской литературы.

Но эти процессы развиваются не прямолинейно.

Весьма характерным и своеобразным является творческий путь одной из значительных фигур грузинской советской литературы—Михаила Джавахишвили.

Ему грозила опасность стать оформившимся буржуазным писателем в нашей действительности и, следовательно, очутиться вне советского литературного движения. Но писатель своевременно осознал, куда влечет его логика такого развития, и после «творческого молчания», длившегося в продолжение 2—3 лет, он начал печатать новый роман «Арсен из Марабды», который со всей очевидностью показал, что автор твердо стал на путь творческой перестройки и приближения к идейным позициям пролетариата.

Сильное влияние оказала революционная современность на творческий путь одного из виднейших представителей дооктябрьской художественной интеллигенции —**Нико Лордкипанидзе.** Он вполне заслуженно считается одним из лучших мастеров грузинской художественной прозы XX века.

На новом, последнем этапе своего творчества он дал ряд рассказов («Феодалы», «Княжкоп на охоте» и др.), в которых он с беспощадной иронией нападает на все остатки феодального прошлого.

Школу «голубороговцев» охватил процесс резкой дифференциации.

Основной поэтический актив «голубороговцев» (П. Яшвили, Т. Табидзе, Н. Мицишвили, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, К. Надирадзе), который беспрерывно работает в области советской поэзии и составляет значительную силу на этом участке литературного фронта, до сих пор переживает трудности творческой перестройки и продолжает оставаться в положении литературного попутничества. Конечно, между ними имеется разница с точки зрения творческой активности и степени приближения к идейным позициям пролетариата. Но все указанные поэты развиваются в сторону социалистической поэзии, хотя и с некоторыми противоречиями.

В первые же дни Октябрьской революции Г. Табидзе смело и решительно прорвал мистический и декадентский круг своей поэтической концепции и восторженно откликнулся на наступающие социальные сдвиги.

Надо отметить, что Г. Табидзе все еще не до конца разгружен от остатков поэтических традиций прошлого. Он не выработал еще столь глубоких и совершенных форм поэтического отображения для современной тематики, какими он характеризовался, будучи поэтом «Мтацминдской луны» и «Синих коней». В этом и заключается в настоящее время основная трудность, преодоление которой и составляет стоящую ныне перед Г. Табидзе задачу.

Быстрыми темпами продвигается вперед беллетрист Демна Шенгелая.

В своем развитии Шенгелая подпал под влияние формализма и экспрессионизма (роман «Санавардо», «Тифлис» и др.) и только с новым романом «Бата Кекия» Шенгелая завершает эклектический путь своей творческой эволюции и становится на реалистические позиции. «Бата Кекия»—одно из лучших произведений грузинской художественной прозы последнего периода.

Особого внимания заслуживают поэтические дарования **Пло Мосашвили** и **Варлама Журули.**

Рост и укрепление грузинской пролетарской литературы главным образом происходили за счет вновь пришедших молодых, мощных творческих кадров. Грузинская пролетарская литература выдвинула и воспитала такие творческие фигуры, как **А. Машашвили, К. Лордкипанидзе, К. Каладзе, П. Чхиквадзе, П. Нароушвили, Б. Чхеидзе** и **Э. Полумордвинов,** а вслед за ними еще новое поколение: **Ираклий Абашидзе, Г. Качахидзе, А. Гомиашвили, К. Бобохидзе** и др.

Константин Лордкипанидзе с одинаковой интенсивностью работает как в области стиха, так и в области прозы. Его поэзия характеризуется здоровым лиризмом, разгруженным от элементов мистики.

Его последний роман «Долой кукурузную республику» задуман как широкое художественное полотно, отображающее процессы социалистической переделки деревни.

Творчество одного из передовых мастеров грузинской пролетарской прозы—**Пантелеймона Чхиквадзе** характеризуется богатством тем. Его рассказы и романы развертываются как на фоне социалистической индустрии, так и на материале социалистической переделки деревни. Об'ектами его творчества являются как процессы нашей современности, так и события историко-революционного прошлого. Основной творческой своей задачей он ставит художественное раскрытие тенденций развития советской действительности.

Грузинские советские писатели совместно с писателями братских народов всего нашего великого Союза еще сильнее развернут борьбу за литературу, достойную нашей великой эпохи строящегося социализма. Гарантией этого является та исключительная повседневная помощь, которую оказывают литературному фронту ЦК нашей ленинской партии и мудрый, любимый вождь трудящихся всего мира великий **Сталин.**

ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКИСТАНА.

Доклад председателя узбекского союза писателей тов. Маджиди на всесоюзном с'езде писателей

В борьбе с буржуазным национализмом.

Успехи, достигнутые Узбекистаном в развитии индустрии и сельского хозяйства, обеспечили возможность широчайшего роста культурного строительства.

В настоящее время число грамотных из коренного населения достигло 52%. За время первой пятилетки число учащихся в средней школе возросло с **325.000** до **520.000**, число учащихся в высших учебных заведениях—с **411** до **6.000**.

Разумеется, в результате общего роста нашей республики после Октябрьской революции выросла и органически связанная с этим общим развитием важная часть нашего культурного строительства—советская литература Узбекистана.

Нет никакого сомнения, что, говоря о советской и пролетарской литературе в Узбекистане, речь может итти только о послеоктябрьском периоде. Литературное наследство, которое получили трудящиеся Узбекистана от дореволюционных общественных формаций, скудно. Чтобы долго не задерживаться на данном вопросе, мы вкратце остановимся на **джадидской** литературе. Дело в том, что джадидизм и джадидская литература оставили значительный след в узбекском литературном движении и кроме того послужили самым сильным оружием для наших классовых врагов в их борьбе против пролетарской и всей советской литературы.

После завоевания царизмом Средней Азии в Узбекистане зародилась и начинает усиливаться туземная торгово-промышленная буржуазия.

Но на этом пути местная буржуазия встречает препятствия в лице русских капиталистов, а равным образом купцов других национальностей, и поэтому туземная буржуазия выбрасывает националистический лозунг: **«Быть хозяином на своем базаре»**. И на сцену выступают идеология и общественное движение, служившие выражением этих желаний и стремлений туземной буржуазии. Представителями этого движения, распространителями этой идеологии и были «джадиды».

В течение весьма долгого времени националистические элементы идеализировали и продолжают идеализировать джадидизм. После Октябрьской революции контрреволюционная буржуазия и ее идеологи в творчестве своем и в своей общественной деятельности также продолжают дальше развивать идеи националистической буржуазии, выступая таким образом противниками пролетариата и советского государства.

Самой первой литературной организацией в Узбекистане является **«Чагатайская группа»** («Чагатай гурунги»). Эта организация об'единяла преимущественно буржуазных интеллигентов.

«Чагатайская группа» была организацией, боровшейся против советской власти и пропагандировавшей пантюркизм. Цели этой группы ясно видны из множества статей, написанных в то время под руководством «Чагатайской группы», а также из ее псевдонаучной деятельности. «Чагатайская группа» в вопросах языка, орфографии и литературы совершенно явно проводила идеи чагатаизма и пантюркизма.

Если националистические буржуазные писатели в ранний период революции открыто высказывали идеи пантюркизма и чагатаизма, то потом, в более позднее время, они продолжают высказывать эти же идеи под предлогом «изучения» литературного наследства. «Изучение» литературного наследства доходит до того, что они готовы называть мистика **Ясави** и подобных ему пролетарскими поэтами, сторонниками бедноты. Если вы взглянете на борьбу националистов на идеологическом фронте, которую они вели в двадцать пятом, двадцать шестом и двадцать седьмом годах, то вы увидите, что они вели эту борьбу на основе идеализации прошлого.

Вот мысли **Фитрата** по поводу Ясави: «Отец нашей литературы, Ясави, принадлежал к угнетенному классу. Он был вынужден плакать и плакал, горюя горем этого угнетенного класса. Ясави... бросает сильные порицания по адресу всех групп правящего класса того времени... И мы, конечно, должны поставить это в заслугу Ясави. Даже на основании только этого мы, разумеется, можем счесть его бедняцким поэтом, который прислушивался к горю бедняков своего времени, плакал о них; порицал и ругал врагов и обращался к ним с наставлениями» (журнал **«Просвещение и учитель»** («Маориф ва Окутчи») за 1927 г., № 6).

Борьба националистов под флагом использования литературного наследства не прекратилась и в настоящее время. В 1932 году некий **Алимухамедов** выступает с такой же «идеей» на страницах журнала «Уз Терминкома»—«Книга и революция».

Смысл того, что хотел здесь сказать Алимухамедов, намеревающийся строить узбекскую литературу на базе национализма, в том, что он идеализирует историю. Ради этого он не отказывается даже от негодного приема — выдать персидских и арабских поэтов и ученых за узбеков, за тюрков.

Растут ряды пролетарской литературы.

Советская литература Узбекистана выросла и воспитала свои кадры в борьбе против этих чуждых влияний, в борьбе против всевозможных буржуазных писателей.

Начиная с первых дней Октябрьской революции, несмотря на то, что националистические буржуазные писатели представляли еще значительную силу, отдельные писатели поют уже революционные советские песни (**Авлияни, Суфи-Задэ, Хамза, Хаким-Задэ** и другие).

Постепенно воспитываются, растут и крепнут—чем дальше, тем больше—кадры советской литературы, а националистические буржуазные писатели теряют свои позиции.

В 1923—1924 гг. в ряды литературы вступают новые силы—молодые поэты пролетарской советской литературы: **Гайрати, Шамси** и др. В период басмачества, когда националистические буржуазные писатели совершенно открыто выступали против советской власти, Гайрати поет революционные стихи о рабочем и крестьянине:

Рабочие и дехкане, об'единившись,
Взяли в руки грандиозное красное знамя
И, оставив кетмени и плуги,
Пошли вперед.

(Из стих. «Сегодня» («Бу Кун»).

В то время, когда националистические писатели в своих произведениях писали про тогдашнюю Фергану, являющуюся одним из богатейших районов Узбекистана, что революция превратила ее в «могилу»,— в эти дни Гайрати в ответ им поет следующее:

Прошли черные ночи, когда над ней
висела жестокость угнетения,
Когда она молчала, как кладбище,
Когда она запятнала грудь свою горем
и жалобами на судьбу,
Когда она безвинно подвергалась угнетениям...

(«Фергана»).

В этот период, в результате побед социалистического строительства в нашем государстве, среди массы старых писателей начинает усиливаться расслоение. Среди них выделяется ряд писателей, которые хотя еще и не могут создавать вполне советские произведения, но начинают уже воспевать переход на сторону советов и разрабатывать советскую тематику.

И вот тут выступает на сцену потребность в создании такой литературной организации, которая вела бы работу между писателями и воспитывала их. Для осуществления этой задачи в 1926 году в Самарканде организуется общество **«Кызыл Калям»** («Красное перо»).

«Кызыл Калям» («Красное перо») был организацией всех писателей в Самарканде (который в то время являлся центром Узбекистана) и об'единял большинство узбекских писателей. Состав организации «Кызыл Калям» был чрезвычайно пестрым. В этой организации участвовали и скрытые контрреволюционеры, как **Вадуд Махмуди, Алтай, Бату** и др., и, с другой стороны, молодые советские писатели: **Гайрати, Шамси, Уйгун, Айдын, Эргаш, Ташпулат** и другие, ряд попутчиков и, наконец, значительно выдвинувшиеся в дальнейшем советские критики и писатели, как **Зия Саидов, Аннабай, Хашимова** и др. Внутри «Кызыл Каляма» писательская масса распадалась и дифференцировалась на несколько групп — по мировоззрению и творческим установкам. Период «Кызыл Каляма» в истории узбекской литературы может быть назван периодом, в течение которого между указанными группами продолжала происходить крайне ожесточенная борьба. Организация «Кызыл Калям» не сумела об'единить вокруг себя писателей, крепко стоявших на советской платформе, не могла поднять пролетарскую литературу, а равным образом вести работу среди вступающих в литературу молодых писателей.

Контрреволюционные буржуазные писатели, которым удалось войти в состав «Кызыл Каляма», воспользовались слабой классовой бдительностью и либерализмом отдельных коммунистов, состоящих в этой организации, получили возможность в течение длительного периода времени проводить в этой организации националистические идеи, отравляя некоторых молодых писателей ядом национализма.

Для того, чтобы создать пролетарские кадры в литературном движении Узбекистана, для того, чтобы укрепить их позиции, и для воспитания их учреждена была организация пролетарских писателей Узбекистана—**УзАПП**.

В период УзАПП впервые был организован призыв в литературу фабрично-заводских сил.

В этот период большинство писателей расширяет свои связи с социалистической жизнью. Увеличивается число произведений, избирающих тематикой социалистическое строительство. Появляется произведение товарищей **Зия Саидова** и **Сафарова** «История заговорила» («Тарих тильга карди»). В это же время вышло в свет произведение тов. **Исмаилова**, пытающееся обрисовать борьбу за хлопковую независимость, — «Вредители хлопка» («Пахта шунгиплары»).

Но в практике своей собственной работы УзАПП совершила ряд ошибок. Она не вела работы со старыми писателями. УзАПП не принимала их в расчет и не понимала того, что в связи с ростом социалистического строительства изменились условия, изменилось настроение основной массы старых писателей. Вместо того, чтобы оказывать помощь делу воспитания и привлечения на нашу сторону попутчиков, беспартийных писателей, УзАПП предалась административной деятельности.

На большом под'еме.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля открыло широкую дорогу перед советской литературой Узбекистана.

Борясь за осуществление исторического постановления ЦК ВКП(б), мы добились в узбекистанском литературном движении большого под'ема.

К достижениям этим, во-первых, относится количественный рост,—рост общего числа наших писателей и громадное расширение масштаба писательской организации по сравнению с начальным периодом.

Наша организация советских писателей насчитывает теперь около **300** писателей. Среди них есть только начавшие писать молодые писатели. Но большинство этих молодых писателей вошло в наши ряды с темами, рисующими социалистическую жизнь и ее героизм.

Такие молодые писатели, пришедшие в литературу с фабрик и заводов в период УзАПП, как **Гиле Сааты, Фахтула Гулям, Салих Сабири, Захидов** и др., вступили в литературу с 1—2 очень слабыми стихотворениями, а между тем сейчас каждый из них достиг известной ступени создания его собственного, ему присущего стиля.

Но наша работа среди молодняка все еще очень слаба.

В этот же период после исторического решения ЦК появляется много молодых писателей из нацменьшинств. Так, в настоящее время в одном только Ташкенте имеется 17 писателей из туземных евреев. До Октябрьской революции нельзя было говорить о литературе туземных евреев, а теперь туземно-еврейская секция встретила наш с'езд литературным сборником. Теперь существует и государственный театр туземных евреев, и туземно-еврейские писатели поднялись уже до такого уровня, что пишут оригинальные пьесы для этого театра.

Подобный же рост мы видим и среди трудящихся уйгур.

Ряд новых произведений дали нам и русские товарищи—**Плетнев, Круковский, Матвеевский, Иш, Зотов, Чепрунов, Лимановский, Субботин, Сабуцкий, Титов-Омский, Лаврентьев** и др. В порядке самокритики надо сказать, что в русской секции еще не все благополучно. Там есть элементы замкнутости, есть люди, тормозящие дело.

После резолюции ЦК от 23 апреля как старые, опытные, так и молодые писатели дали нам ряд произведений. **За этот период мы получили столько здоровых и сильных произведений как в области поэзии, так и в области драматургии, сколько не было за весь предыдущий период.**

Старые писатели, надолго оторвавшиеся от литературы в результате склоки, группировок и администрирования в период УзАПП, теперь снова вошли в литературу и принимают активное участие в творческой работе.

У нас сейчас организована научная теоретическая база литературного движения—**Научно-исследовательский институт литературы.** Собрав вокруг себя много молодых научных кадров, институт работает в области истории литературы, в области фольклора и использования литературного наследства. В связи с подготовкой к с'езду институт сделал перевод высказываний Маркса—Энгельса о литературе, являющийся в высшей степени необходимым пособием для воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма.

Изданные институтом образцы фольклора, сборник критических статей и другие работы, выпущенные к с'езду, тоже являются очень важными для нас материалами.

За период после решения ЦК много сделано и в области переводов русской классической литературы. Например, в настоящее время на узбекский язык переведены такие блестящие образцы пролетарской литературы, как «Мать», «Мои университеты», «Детство» и много других произведений **Максима Горького.** Равным образом переведены на узбекский язык и «Железный поток» **Серафимовича**, «Разгром» **Фадеева**, «Поднятая целина» **Шолохова**, «Гидроцентраль» **Мариэтты Шагинян**, «Бруски» **Панферова** и другие ценные произведения.

Вместе с тем мы имеем много переводов пролетарских революционных писателей мира—**Анри Барбюса, Бела Иллеша** и др. В наших журналах появляются ценные произведения товарища **Лахути**, главным образом о Средней Азии и о зарубежных событиях. Эти его произведения многому учат наших писателей в идеологическом и художественном отношениях. Наконец, переведено на узбекский язык несколько крупных произведений классиков мировой и русской литературы.

Несмотря на эти достижения, **узбекистанская советская литература отстает от требований нынешнего этапа социалистического строительства.**

Необходимо остановиться на сопротивлении некоторых групповых элементов проведению в жизнь резолюции ЦК.

Тот большой перелом, который произошел в литературе, не произошел сам собою. Нам приходилось вести ожесточенную борьбу за выполнение резолюции ЦК, против ошибочного понимания и извращения этой резолюции. «Теперь борьба за пролетарскую идеологию ослабевает, классовая борьба затихает», — говорили некоторые писатели. На этом основании известная часть писателей решила, что, поскольку появилась данная резолюция, постольку «с нашими прошлыми ошибками уже все покончено и о них можно вовсе не говорить».

Нашлись такие писатели (и даже отдельные коммунисты), которые забыли, что ряд старых писателей в прошлом вел борьбу против советской литературы, забыли серьезные ошибки этих старых писателей и начинали захваливать их, несмотря на то, что эти старые писатели не дали еще ни одного произведения, доказывающего их переход на советскую позицию.

Все подобные выступления были своевременно разоблачены и им был нанесен соответствующий удар со стороны оргбюро и его об'единенной комфракции. Можем ли мы в настоящее время сказать, что в нашей организации осуществилось полное единение? Конечно, нет. В основном единение осуществлено.

Узбекская советская литература таким образом создавалась в условиях решительной классовой борьбы. Узбекские буржуазные писатели-националисты долгое время имели сильное влияние в области литературы. И в настоящее время ряды советских писателей не вполне однородны по составу. Имеются писатели, которые в результате успехов социалистического строительства перешли на платформу советской власти. Наряду с ними имеются писатели, стоявшие с самого начала на советской платформе, и большое количество растущих писателей.

Писатели неодинаковы и по степени овладения пролетарским мировоззрением и по уровню знаний. Это, конечно, оказывает большое влияние на их творчество.

Узбекские писатели берут для своих произведений темы социалистического строительства. Но жизнь с каждым днем движется вперед. Пролетариат Советской страны совершает под руководством партии дела, которые не видала ни одна фаза мирового общественного развития.

Промышленность и сельское хозяйство страны развиваются темпами, невиданными в мировой истории.

Все это настолько изменило в стране социальные отношения, что понять это и передать трудящимся в художественных образах для многих писателей Узбекистана становится делом очень трудным и сложным. И это серьезно ставит перед писателями вопрос об учебе, об изучении и усвоении трудов **Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.**

Литературные жанры.

Одним из важных жанров узбекской советской литературы является поэзия. И по количеству произведений, и по числу писателей поэзия занимает в литературе Узбекистана преобладающее место. Почти как правило, все молодые писатели Узбекистана начинают свою литературную деятельность поэзией. Поэтому поэзии ССПУз уделяет много внимания, стремясь поднять ее на высшую ступень, наметить ее конкретные пути. Если рассмотреть узбекскую советскую поэзию, то можно увидеть в ней наряду со многими достижениями и массу недостатков и ошибок. В творчестве большинства узбекских поэтов обнаруживается неумение внедриться в жизнь (описывание по материалам, почерпнутым из газетных заметок, поверхностность).

«Письмо к матери» и ряд других стихов **Гайрати**, «Джантемир» и «Цветущим садам коммунизма» — **Уйгуна**, «Кукан не батрак», «Той» — **Гафур Гуляма**, «Долина счастья», «Махорат» (Мощь, даровитость) — **Хамида**, «Дильбор — дочь эпохи» — **Айбека**, издаваемая поэма «Таза Гюль» — **Эльбека**, «Мавлян Ата» — **Хасан Пулата** и многие подобные им большие произведения освещают конкретные участки социалистического строительства и героев их. Но и они не свободны от недостатков. В этих произведениях много ошибок, неправильно передаются жизнь и классовые взаимоотношения.

Анализ произведений даже видных, передовых писателей УзССР показывает, что и они не свободны от подобного же рода недостатков. У них есть показ жизни и побед рабочего класса, но нет в них показа того, каким образом рабочий класс добивается этих успехов, нет серьезной борьбы, нет живых героев, активности нет. Например, когда пишут о колхозе, то герой обязательно ставится в определенно тяжелые условия. Он чувствует, что надо изменить, создать новое, но он пассивен, он не борется за изменение условий, а кто-то приезжает из города и указывает ему порядок изменения жизни. Борьбы нет, есть собрания, есть резолюция.

В произведениях о хлопке также царит чрезмерная поверхностность. Имеется мелкобуржуазное, поверхностное, отвлеченное расхваливание хлопка как растения; хлопок постоянно называется «белым золотом», «цветком», «радостью», «восторгом» и т. п. словами, превращающими его в какой-то фетиш.

В стихах о рабочем-ударнике та же поверхностность, тот же схематизм и биологизм. Надо заметить, что жизни промышленности, жизни рабочих в литературе Узбекистана очень мало уделяется внимания. Тут уместно сказать прямо и резко, что **писатели Узбекистана еще не умеют освещать в литературе рабочий класс.** Многие писатели недостаточно уделяют внимания языку. Большинство писателей чрезвычайно мало занимается вопросами языка, не изучает язык народа. Узбекский язык, по сравнению с русским языком, очень мало разработан, вернее, над вопросом о языке начали работать лишь после Октября, особенно в последние несколько лет. Поэтому вопрос о языке является в Узбекистане чрезвычайно важным вопросом. Разница между языком многих писателей и языком массы велика. Некоторые из писателей относятся в своих произведениях к языку небрежно, невнимательно.

Рис. А. Панфилова.

Делегат с'езда — народный поэт Дагестана тов. ЦАДАССА ГАМЗАТ.

Проза все еще является наиболее отсталой областью в узбекской советской литературе. Только в последнее время, в результате конкурса на лучшее литературное произведение, об'явленного СНК УзССР, писатели начали работать над большими произведениями. В последнее время товарищ **Абдулла Кадыри**, известный с давних пор как мастер слова, **Гафру Гулям, Шамси, Гайрати, Абдулла Кахар, Сабирова** и многие подобные им молодые талантливые писатели работают очень упорно над развитием этого жанра литературы. Кроме того, известный писатель **Садретдин Айни** написал, в связи с конкурсом на лучшее художественное произведение, роман «Рабы» и посвятил его с'езду.

Необходимо остановиться на некоторых прозаических произведениях, написанных советскими писателями Узбекистана. Узбекская советская проза, несмотря на свою сравнительную молодость, совершенно отличается как по своему содержанию, так и по своей форме от творчества старых буржуазных писателей-националистов. Большинство произведений отображает теперешнюю, новую жизнь. И язык их по большей части стоит близко к массе. Но тем не менее и эти произведения страдают той же поверхностностью, схематизмом и т. п. недостатками, которые отмечались в поэзии.

Абдулла Кадыри, известный старый писатель, после решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля заметно перестраивается. Его очерк «Я и с солнцем буду бороться» и повесть «Гажих Текмень» взяты из жизни социалистического строительства и являются произведениями, посвященными соцсоревнованию и колхозному строительству. Эти произведения являются живыми свидетелями его перестройки. Но и последние произведения не свободны от недостатков. Очерк «Я и с солнцем буду бороться», посвященный социалистическому соревнованию, неправильно показывает смысл социалистического соревнования, т. е. значение его в перевоспитании трудящихся. Работа участников соревнования дается в виде азартной игры, что несомненно является искажением идеи социалистического соревнования.

Если подытожить все прозаические произведения, написанные после 23 апреля 1932 года, то можно увидеть, как растут ряды прозаиков, как поднимается их творчество.

Конечно, имеющиеся недостатки являются недостатками роста. Они являются недостатками, обусловленными молодостью и неопытностью писателей и неумением овладеть техникой писательского ремесла. Недостатки, имеющиеся в творчестве отдельных писателей, являются также результатом пока еще неизжитого старого влияния буржуазных писателей-националистов. Можно сказать, что писатели в большинстве своем пока еще не умеют показывать жизнь, обобщать факты, давать произведение в реалистических тонах. Формы классовой борьбы, изображающиеся в рассказах, зачастую являются выдуманными.

Обрисовка личности и создание типа—самое слабое место узбекской литературы (по всем ее жанрам). Во многих произведениях, можно сказать, отсутствует тип. Там часто имеются типы, схематизированные, ограниченные. Они не похожи на живых людей.

Детский театр создала советская власть.

Узбекская советская драматургия и театр, созданные под непосредственным и постоянным руководством КП(б) Узбекистана и являющиеся пролетарскими по содержанию и национальными по форме, развиваются на прочной базе. Тов. **Икрамов** в своей речи на V пленуме ЦК КП(б)У говорил:

«Я помню, как в дореволюционное время считалась необычайным явлением постановка спектакля в каком-нибудь городе. Теперь Узбекский театр успел превратиться в академический. Он с успехом дает гастроли и в других городах нашего Союза и своей подготовленностью может сравниться с передовым театром».

Действительно, Узбекский академический театр, благодаря произведениям пролетарских советских писателей СССР и Узбекистана, сумел стать сильным средством для перестройки трудящегося зрителя Узбекистана в социалистическом духе. Узбекский академический театр добился хорошего показа на сцене произведений классиков—Гоголя, Шекспира и т. д., не понижая художественного качества. Он имеет прочные кадры талантливых режиссеров, актеров, работающих со дня организации театра.

Сейчас в Узбекистане существуют 32 государственных театра. В их число не входят любительские труппы, существующие в районах, в больших колхозах и сплотившие вокруг себя молодые силы и таланты. Их очень много, все они—плоды великого Октября, результат ленинско-сталинской национальной политики нашей партии. Все они — плоды способностей, скрытых среди трудящихся творческих сил и талантов, выросших в условиях революции и диктатуры пролетариата.

Большинство произведений, ставящихся сейчас на сценах узбекских советских театров, состоит из произведений советских драматургов, а основная часть их— из произведений узбекских советских драматургов. Узбекская советская драматургия достигла этого уровня на основе серьезной идейной борьбы с национальной контрреволюцией, с великорусским шовинизмом и победы над ними в области театра и драматургии.

В результате правильной политики партии выросли в области драматургии такие талантливые драматурги, как **Зия Саидов, Яшин, Абдулла Джанур** и другие.

Узбекский театр отказался от постановки таких реакционных пьес, как «Захох Марон», «Шейх Сан», «Ан» и др., и вступил на путь постановки произведений мировых классиков, действительно помогающих росту театра и искусства.

Трудящиеся Узбекистана создали базу всестороннего развития музыки, узбекской советской оперы. Эти достижения являются фактом. Вместе с тем в этой области имеются серьезные недочеты, ошибки и некоторая отсталость. Сейчас в области театра и драматургии стоят величайшие задачи. Узбекская советская драматургия должна теперь подняться на еще высшую ступень.

Создание пьес, показывающих посредством образов, в живой художественной форме, т. е. создание пьесы, достигающей «полного слияния большой идейной глубины, сознательного исторического содержания с шекспировской живостью и богатством действия» (**Энгельс**), является задачей, стоящей перед нами. Если просмотреть большинство пьес, то обнаружится, что существует большая разница между живыми людьми и героями пьес. Эти пьесы не увлекают, не волнуют. Недостатки, имеющиеся в пьесах, заключаются в неумении передавать реальную жизнь и в том, что драматурги не изучают реальной жизни. Отсюда поверхностность, схематизм, агитаторство, риторика и другие недостатки.

Такое положение понижает ценность произведения, отдаляет его от жизни и делает его неубедительным.

Узбекская советская драматургия способна устранить эти недостатки, и она их ныне устраняет. В настоящее время большинство драматургов начало понимать причину основных недостатков и занялось в этой области самокритикой.

Союз советских писателей Узбекистана ныне ставит перед собой конкретную задачу—создание трагедии, комедии и музыкальных произведений, которых нет в узбекском театре.

Сейчас уже создан превосходный музыкальный театр. Он находится накануне действительного превращения в оперный театр. Узбекские драматурги обязываются создать для оперного театра произведения высоко художественные и пролетарские по содержанию.

Рост театров, любительских трупп в районах Узбекистана, даже в колхозах— неоспоримый факт. Они, конечно, не могут ставить таких вещей, какие ставят центральные труппы. Поэтому перед ССП Узбекистана ребром стоит вопрос о скорейшем создании соответствующих пьес для сцен кишлачных и районных театров.

Обзор путей развития литературной деятельности показывает, что узбекская советская литература, благодаря борьбе, проведенной после Октября под руководством партии, за проведение в литературе линии партии за пролетарскую идеологию, добилась к настоящему времени действительно серьезных успехов и продолжает быстро расти в этом направлении.

В настоящее время дан решительный отпор выступлениям разных буржуазных писателей-националистов и всяким теориям в литературе, противоречащим марксизму и ленинизму. **В узбекской советской литературе обеспечена ведущая роль советских писателей по всем ее жанрам.** В рядах советской литературы в основном здоровые кадры. Они с каждым днем растут, теоретически крепнут, их ряды пополняются из среды трудящихся Узбекистана. Все это является великим залогом дальнейшего роста, развития и создания художественных произведений Узбекистана, соответствующих великой исторической эпохе.

Союз советских писателей Узбекистана ставит своей задачей поднять литературу Узбекистана намного выше того уровня, на котором она находится теперь.

Для того, чтобы выполнить эти задачи, в первую очередь писатели должны поднять уровень своих знаний, изучить **Маркса, Ленина, Сталина.**

Нужно учиться на лучших пролетарских произведениях русской литературы и литературы других народов СССР, стремиться правильно использовать культурное наследство, созданное человеческим обществом.

Делегация московских пионеров приветствует с'езд.

Азербайджано-тюркская литература.

Доклад тов. Алекберли на всесоюзном с'езде писателей.

Корифеи древних и средних веков.

Азербайджанская письменная литература начинается в VIII столетии нашей эры с появлением на сцену поэтессы Зибейда Хатун.

Недостаточность исследовательского материала не дает сказать что-либо определенное о литературе IX столетия и заставляет сразу перейти к X веку. Одной из значительных фигур этого времени является **Дада Гургут.**

Ислам, введенный в Азербайджане в XI веке, поставил женщину-тюрчанку в кабальное положение. Она протестовала, она восставала против этого. Поэтесса **Мехсати Ханум** возглавила стихийное возмущение женщин.

Одной из центральных фигур азербайджанской литературы XII века можно и нужно считать **Абуль-ула-Ганджови,** прозванного «инженером поэзии». Вот образец его творчества:

Я—это знаменосец
современников моих.
Ганджинцы вправе гордиться мною,
Если поэты, преклоняясь передо мною,
пойдут по следам моим.
Этого достоин я,
ибо поэтов вожак и путеводитель я.

Несмотря на большое мастерство, художественный под'ем, на красоту стиля, сегодняшний красный Ганджа ни гордиться им, ни считать его наследие своим не может, ибо он всеми фибрами своей души был связан с дворцом, свое дарование посвятил дворцовой знати.

Поэт, который явился на историческую арену после него и жил восемь веков назад, — знаменитый **Шейх-Низами,** — тоже уроженец Ганджи, в противоположность Ганджови, и по сегодняшний день не потерял своего значения, своей свежести.

Этот великий мыслитель и художник, переведенный на европейские и азиатские языки, сам о себе говорит так:

«Если через столетия спросишь: где же он?
Каждая строка поэта отзвучит эхом: ау...»

Низами оставил после себя сборник стихотворений под названием: «Пяндж гандж», что означает: пять сокровищ.

Если подойти к Низами как к мыслителю, то в произведениях его можно найти мысли, которые еще и поныне не потеряли свою свежесть и актуальность. В подавляющем большинстве мысли его относятся к атеизму. Он едко и очень остро смеется над богами и пророками.

Низами бичевал и феодально-монархический строй.

Он был популярен в народной массе, его произведения цитировались из века в век, он был окружен ореолом любви и уважения, которые сохранились на протяжении восьми столетий.

Фигура его — одна из ярких во всем Востоке. Необходимость перевода и издания его произведений очевидна.

Сеид Умадедин Насими появился на литературной арене в конце XIV века. Он был одним из самых видных поэтов Азербайджана.

Наряду со стихами агитационного характера, Насими писал живые, образные вещи. Он обладал стилем чудным, волнующим. Литературный язык азербайджанских тюрок свое развитие берет от Насими.

Больше чем четыре века в сердцах тюркских народных масс живет имя **Физули,** как имя непревзойденного художника. По качеству своих творений он получил название гениального поэта. Физули приковывает к себе внимание европейских, в том числе и русских, востоковедов. Его произведения заслужили уважение, любовь и стали образцом тюркской поэзии. Он был чужд чаяниям придворной знати, но не чужд широким народным массам. Он не служил знати, в его творчестве нет ни тени, ни пятна в этом отношении, и потому-то он был и есть великий поэт, замечательный художник.

Физули — гордость азербайджанской литературы — сыграл громадную роль в развитии тюркского художественного языка, засоренного в то время арабскими и фарсидскими словами.

Поэтической формой творчества Физули является «газал». Его газалы написаны с таким мастерством, что и сегодня читаются с большой любовью среди широких народных масс.

В своем гениальном произведении «Лейли и Меджнун», которое и теперь с большим интересом и симпатией встречается на тюркской оперной сцене, он проповедует свободную любовь, равноправие женщин с мужчинами и на этой основе разоблачает все традиции своего времени.

В преддверии революции.

Значительным шагом в развитии подлинной родной тюркской поэзии являлось творчество поэта **Вакифа** (XVIII век). Историческое значение **Вакифа** заключается в его сильной тенденции в сторону народной, ашугской поэзии. Вакиф, как великий поэт своей эпохи, поднял эту устную литературу на высшую ступень развития.

В числе крупнейших деятелей тюркской литературы XIX столетия находятся **Баки Ханов, Касум бей-Закир и М. Ф. Ахундов.**

Если сравнить Вакифа и Закира, то становится ясным, что творчество Закира больше связано с реальной действительностью, с общественной средой того времени; его творчество более массовое и жизненное, чем творчество Вакифа.

Закир жил и творил в период ограбления Азербайджана русским царизмом. Он является ярким представителем ограбленной части тюркских помещиков.

Сатира Закира насыщена общественно-политическими, экономическими и бытовыми переменами того времени. Вот почему его литературная деятельность имеет громадное значение. Закир, однако, будучи реакционером, не понял прогрессивной идеи своего времени.

Общественные настроения и взгляды второй половины XIX века отразил в своем творчестве **Фатали Ахундов,** — образованнейший человек, великолепно усвоивший европейскую культуру.

Ф. Ахундов в своих произведениях выводит типы купцов, помещиков, персидских чиновников, правителей, мулл, авантюристов и т. д.

Его галлерея типов так же красочна, разнообразна, характерна, как галлерея типов Грибоедова, Гоголя, Островского.

В его главном произведении «Гаджи Кара» изображены предприимчивость, жадность нарождающейся торговой буржуазии, переживания отживающего помещичьего класса.

Ахундов решительно и резко выступает против женского бесправия и угнетения. Женщины Ахундова все талантливы, умны и предприимчивы.

Ахундов выступает как европеизатор тюркской жизни. В своих комедиях он подвергает уничтожающей критике схоластические духовные школы — медрессе, в которых гниет молодежь.

Ахундов критикует царские порядки.

Но беспощадное острие своего пера Ахундов обращает, главным образом, против персидских порядков и персидской системы управления.

Все комедии Ахундова, разоблачающие феодальные порядки, нищету ума, корыстолюбие и лицемерие чиновников и духовенства, написанные на народном, простом языке, способствовали пробуждению широких масс.

Ахундов произвел революцию в языке, упростив его, приспособив его к интересам масс, отказавшись от того вида искусства, которое предназначается для сотни «ценителей».

Величайшая заслуга Ахундова заключается в том, что он впервые поднял вопрос о переходе к латинскому алфавиту.

Ахундов — первый тюркский драматург. С его именем связано создание тюркского театра.

Порожденная нефтяными фонтанами и только что начинающая чувствовать свое классовое сознание тюркская буржуазия, оформляясь как класс, стремилась укрепить свое господство и в связи с этим организовывала свои идеологические и культурные начинания. Выходящий на средства известного миллионера Тагиева «Феюзат», идейно и материально покровительствуемый последним, становится органом крупной буржуазии. С первых же дней своего возникновения он становится на путь пантюркизма, реакции, панисламизма, проповедует национальную замкнутость.

Писатели школы «Феюзат» — **Али-бек, Магомед Хади**—остались в стороне от широкой массы. Азербайджанский народ так и не понял их литературу, остался чуждым ей. Их творчество служило верой и правдой буржуазному шовинизму, который ему недаром и покровительствовал.

Мелкобуржуазный демократизм, зародившийся в Азербайджане под влиянием революционного движения России, свое общественное и литературное чаяние начинает декларировать на страницах юмористического журнала «Молла Насреддин», основанного в 1906 году. Ведя борьбу с царизмом и духовенством, «Молла Насреддин» помещает статьи против абсолютизма, насилия, религиозной косности, тьмы и мракобесия, против эксплуатации рабочего класса и крестьянства.

Типичный представитель поэтов журнала «Молла Насреддин» **Сабир** становится страстным, жгучим сатириком, классиком азербайджанской литературной действительности.

Его фельетоны, памфлеты, его знаменитый «Хоп хоп намэ» заслужили ему славу далеко за пределами Азербайджана.

1919 год—позорное пятно на страницах азербайджанской истории. Господство муссаватистов дало в истории тюркской литературы страницы, покрытые кляксами, змеиной слюной, шовинистической пропагандой. На литературную арену выступают бездарности, лакейски угождающие помещикам и буржуазии, воспевающие и разжигающие межнациональную рознь. Муссаватистский писатель сеет новые националистические семена, натравливая братские народы — тюрков и армян друг на друга.

Художественная ценность всей этой, с позволения сказать, литературы — нуль.

Советская литература Азербайджана

Апрельская революция 1920 года в Азербайджане открыла совершенно новую страницу в истории развития культуры и литературы Азербайджана.

В 1926 году организуется ассоциация пролетарских писателей «Кызыл Калам».

В это время буржуазно-националистические элементы в тюркской литературе играли доминирующую роль, даже в основных литературно-художественных журналах их влияние было огромное.

«Кызыл Калам» повела решительную борьбу с буржуазной, националистической идеологией в литературе, отстаивая ленинскую теорию культурной революции, и собрала вокруг себя молодых рабочих-писателей, вышедших из среды рабкоров.

В это время выдвигаются талантливые молодые поэты и прозаики.

Видный представитель этой литературной группы, поэт **Сулейман Рустам,** выступает как один из первых поборников пролетарской литературы Азербайджана.

Его первая книга стихов «От печали к радости» была значительным литературно-политическим документом.

Писатель-коммунист **Назарли** — видный представитель пролетарской прозы того времени. Его рассказы о гражданской войне были не только идейно-насыщенными, политически заостренными документами, но и в то же время являлись художественно-зрелыми произведениями.

Среди писателей, входивших в ассоциацию пролетарских писателей, также выделяются поэты **А. Фарух, Феизи, Исмаил Хафиз,** прозаики **Абуль Гасан** и др.

Большую ценность представляет творчество крупного драматурга, так называемого «попутчика», **Джафара Джабарли,** который под влиянием пролетариата становился на путь идейной политической перестройки.

Писатели советского Азербайджана ответили на решение ЦК партии от 23 апреля 1932 года десятком новых книг, новых поэм и романов. Значительная часть старых беспартийных писательских кадров включилась своим творчеством в социалистическое строительство Азербайджана. Выросли новые молодые и талантливые силы.

Тов. АЛЕКБЕРЛИ.

Прием в члены ССП показал, что в Азербайджане около 60 писателей. Это много в сравнении с прошлым, досоветским периодом. Достаточно указать, что за 1932—34 гг. в Азербайджане вышло из печати столько же книг писателей, сколько было выпущено до революции за 15 лет (1905—1920), т. е., включая тот период, когда у власти стояла кучка муссаватистов, мнивших себя «единственными носителями» национальной культуры.

Поэзия советского Азербайджана еще не свободна от «детских болезней» литературного роста. Отсюда ее противоречия и недостатки.

Путь преодоления недостатков нашей поэзии, основной путь ее дальнейшего роста—это овладение методом социалистического реализма.

Поэзия Азербайджана в лице некоторых, пока очень малочисленных произведений становится на путь с неизбежными при такой перестройке ошибками.

В качестве примера можно указать на творчество **Самед Бургуна.** Его творческий путь очень сложен. Это путь постепенного преодоления мелкобуржуазно-анархического «я», связанного со старой деревней, со старым бытом.

Перестройка творчества С. Бургуна идет по линии идеологического вооружения передовыми идеями наших дней и также по линии повышения художественного уровня своих произведений. Ярким образцом этой перестройки является ряд вещей, напечатанных в его книжках «Фонарь» и «Клятва поэта». Самеду Бургуну еще до сих пор больше удаются картины деревенской жизни, события близкие и знакомые ему. Поэтому его поэма «Лок-Батан», где описывается нефтяной фонтан, выявила некоторую слабость автора в попытке дать художественную картину борьбы за нефть, дать борцов за новые нефтяные месторождения. В настоящее время Бургун работает над большой поэмой из жизни деревенских комсомольцев.

Другой наш поэт — **Рафили Микаэль,** пройдя через ряд трудных этапов перестройки, освободился от своего мелкобуржуазного понимания действительности и стал в шеренги пролетарского движения.

Его последние произведения «Ленинград», «Севастополь» являются ярким образцом решительного перехода на сторону пролетариата. Он в своей поэме «Севастополь» дает незабываемые страницы борьбы за советский Крым.

Творческий путь Рафили показывает, как настоящий художник, вышедший из другого класса, в условиях пролетарской диктатуры, становясь художником пролетариата, выигрывает не только в идеологическом, но и в художественном отношении.

Растет новое творческое поколение.

У нас растет и другое поколение поэтов, имеющее свои творческие особенности. Если взять для примера творчество **Расула Рзы,** необходимо констатировать как положительный факт политическую заостренность, актуальность тематики поэта. Но Рза еще не преодолел космически-романтические элементы в подходе к событиям действительности.

Другой поэт—**Мушфик** стремится преодолеть свои старые мелкобуржуазные мещанские предрассудки и ошибки и пишет на актуальные темы нашего дня, но у Мушфика тоже болезни, которые являются выражением влияния классово чуждых настроений на поэта.

Необходимо упомянуть также имена молодых поэтов—**Фарух и Рагим,** написавших в последние годы ряд новых произведений.

Проза в тюркской литературе, начиная от 1905 года и до последних лет, отставала от поэзии. Только за последние годы мы наблюдаем большое оживление в этой области. Появление в течение двух лет шести больших романов и нескольких крупных повестей является результатом и показателем этого оживления.

В 1933 г. *появился большой роман* «Мир рушится» молодого писателя **Абуль Гассана.** Автор сумел вывести целую галлерею типов и характеров, где наряду с отрицательными образами контрреволюционеров и колеблющейся мелкой буржуазии развернуто показаны положительные герои эпохи военного коммунизма. Но, видимо, Абуль Гассану отрицательные типы удаются больше, чем положительные. Положительные типы у него изображаются схематически и остаются до известной степени недоработанными.

Вторым значительным произведением в тюркской литературе является роман старого писателя коммуниста **Мамед Саид Ордубады** — «Тавриз туманный», посвященный персидской революции 1908 г. Автор описывает события, социально-политические ситуации, позицию различных классов и слоев персидской революции; разоблачает предательскую роль духовенства и купечества; вскрывает контрреволюционную роль русского самодержавия в подавлении этой революции. Но Ордубады, еще не овладевший методом социалистического реализма, сильно искажает факты, недооценивает роль крестьянства, не показывает героическую организационную, руководящую работу закавказских революционеров.

Среди прозаических произведений значительное место занимает повесть другого писателя-коммуниста **Симурга** — «Враги», посвященная показу начального периода колхозного строительства в тюркской деревне.

Значительным успехом пользовался недавно изданный роман молодого писателя **Мехти Гуссейна** — «Половодье», где описывается один из эпизодов гражданской войны в Закавказье. В основном автор романа правильно отображает участие трудового крестьянства в пролетарской революции, *переделку сознания масс и превращение* крестьян в сознательных участников борьбы и строительства новой жизни. Но несколько схематически показана роль рабочего класса, с одной стороны, с другой—преувеличена роль крестьянства в революции.

Мы имеем серьезный перелом и среди старых беспартийных писателей-прозаиков, долгое время оторванных от художественного творчества, как **Юсуф Везир** и **Кантемир.**

Кантемир — писатель-юморист, автор многочисленных новелл. Его новый роман «Кулхузстан» считается одним из достижений в творчестве писателя. Здесь автор сумел создать и показать новую деревню.

Юсуф Везир (Чемен Земинли) — один из представителей дореволюционной либеральной мелкобуржуазной интеллигенции.

Юсуф Везир недавно закончил роман «1917 г.», где описываются события семнадцатого года в России. Здесь автором разоблачаются национал-демократы, помещики, руководители царской армии.

Как видно из вышеизложенного, среди прозаиков чувствуется сильное стремление к описанию исторических событий. Это об'ясняется, главным образом, оторванностью основной массы авторов от жизни и событий, происходящих в стране на настоящем этапе социалистического строительства.

Главным недостатком исторических произведений тюркских писателей является то, что они страдают схематизмом, отчасти лишены конкретных фактов, и исторические события в них не рассматриваются с высоты современного социалистического мировоззрения.

Сильно страдает тематика произведений советских писателей Азербайджана. В творчестве их очень слабо отражается производственно-культурно-бытовая специфика страны. В течение двух лет написано лишь два незначительных произведения, отражающие борьбу **за нефть.** А показ борьбы за хлопок почти отсутствует.

Слабым участком азербайджанской советской литературы является драматургия.

Джафар Джабарлы, один из передовых наших драматургов, после апрельского решения ЦК ВКП(б) дал на тюркскую сцену пьесу «Яшар», где реалистически показывается классовая борьба в советской деревне, разоблачается классовое лицо кулака и изображаются настоящие типы новой, революционной технической интеллигенции. Своими произведениями Джафар Джабарлы дает решительный ответ муссаватистским эмигрантам, долгое время занимавшимся болтовней о невозможности перехода талантливого драматурга на платформу советской власти.

Очень медленно перестраивается еще более крупный поэт-драматург **Гусейн Джавид.** Почти во всех своих произведениях он являлся певцом идей пантюркизма и панисламизма. В 1932—33 г. он дает нашей сцене пьесу «Сеявуш», где стремится разоблачить всю пошлую сущность древне-персидских и туранских дворцов, слабо пытается показать крестьянские восстания и непоследовательность либерально настроенных аристократов. Перестройка Джавида носит своеобразный характер и идет совсем медленно.

Союзу советских писателей Азербайджана и его драмсекции необходимо усилить фронт драматургии путем выращивания новых молодых кадров, прикрепляя их к театрам и обеспечивая творческим отпуском и учебой.

В число молодых и начинающих писателей входят: ***Сабит Рахман, Ибрагимов Мирза, Юсуф Ширван, Гусейн Натик, Сарывеллы, Джафар Хандан, Энвер, Нигяр, М. Дильбази, Ахундов Гамид.***

Большим достижением в подготовке молодых литературных кадров является появление в нашей печати имен молодых тюрчанок-поэтесс: **М. Дильбази и Р. Нигяр.** Обе поэтессы в своих произведениях преимущественно воспевают победу пролетарской революции в области освобождения женщин Востока.

Надо отметить, однако, что молодым литераторам у нас в Азербайджане уделяется еще очень мало внимания.

С'езд писателей Азербайджана демонстрировал наши достижения на литературном фронте, наряду с этим выявил ряд болезненных сторон и недостатков нашей работы, указал пути и методы их исправления. Писатели Азербайджана, вооружаясь методом социалистического реализма, вплотную подходят к подлинно советской тематике, включаются в великую борьбу за выкорчевывание пережитков капитализма в сознании человека, принимают самое активное участие в созидательной работе нашей страны.

Рис. А. Панфилова.

Делегатка с'езда ШАМУРАДОВА ЯЗГУЛЬ—поэтесса Туркменской ССР (чл. ВЛКСМ).

В аулах—новые песни.

Доклад председателя союза советских писателей Туркмении Таш-Назарова на всесоюзном с'езде писателей.

Невиданный поход за культуру, охвативший отдаленнейшие аулы Туркмении, с первых же шагов получил отражение в устном народном творчестве и одновременно явился мощным стимулом под'ема творческих сил массы трудящихся и создания новой, советской литературы.

Старые народные песни были проникнуты пессимизмом. Новая песня, сложенная после Октября пастухами тех же стад, но принадлежащих уже не баям, а освободившемуся аулу, наполнена бодростью и радостью и стоит несравненно выше в художественном отношении, свидетельствуя об общем культурном росте аула.

Ранние произведения молодых советских поэтов Туркмении, интересные по форме и содержанию, все же являются непосредственным продолжением того же массового творчества.

Уже одного раннего периода советской литературы в Турк. ССР достаточно, чтобы покончить с великодержавническими разговорами о «неспособности туркмен к художественному творчеству» и с контрреволюционными утверждениями местных националистов, что якобы только на основе старой тюркской литературы и пресловутого искусственного литературного языка феодально-родовой верхушки может развиться туркменская художественная литература.

В результате социальных, экономических и культурных сдвигов в советском ауле выросла молодая советская художественная литература, значительные изменения потерпели и различные виды старой литературы и словесности.

Несомненно, что на творчество молодых советских писателей и поэтов Туркмении немалое влияние оказали виднейшие представители старой туркменской художественной литературы.

Наиболее крупным и известным не только в пределах Туркмении, но и на всем Востоке, является поэт **Махтум Кули,** живший в XVIII веке.

Махтум Кули жил и писал в годы, когда в феодально-родовую общину внедрялись товарные отношения. Внутреннее противоречие эпохи наложило особый отпечаток на творчество Махтум Кули и других поэтов его времени. Не находя об'яснения происходящему и не имея возможности понять его, Махтум Кули и его последователи ревниво встали на защиту старого патриархального уклада, идеализируя его в своих произведениях. Верный духу ислама, поэт видел в ломке старых отношений явные признаки «приближения конца мира», а в «рае», загробной жизни — единственный выход для всех, кто обижен, обойден, обездолен развращенными алчностью хозяевами жизни.

Тесная связь поэтического языка Махтум Кули с народным языком помогла ему высоко подняться над уровнем многих поэтов и писателей как его эпохи, так и последующей. Глубокое знание народного творчества, туркменского быта и всех условий жизни делает его национальным туркменским поэтом, корифеем туркменской художественной литературы.

Наиболее способными учениками Махтум Кули были поэты **Зелили и Сеиди,** также оставившие значительное литературное наследство, но влияние их на последующую литературу является только отражением основного источника.

Октябрьская революция и национальное размежевание Средней Азии, образование Туркменской советской республики, привели в движение и национально-буржуазную интеллигенцию.

Националистические элементы использовали все возможности для того, чтобы внутри советской республики и даже в ее руководящих органах подготовить почву для отделения Туркмении от Советского Союза и осуществления буржуазной реставрации. На литературном фронте контрреволюционные элементы использовали все средства для того, чтобы перетащить на свою сторону колеблющуюся часть интеллигенции, завоевать учащуюся молодежь.

Это привело к тому, что художественная литература Туркмении вплоть до 1930—1931 гг. представлялась фактически национально-буржуазными элементами, которые, пользуясь своим положением в руководящих культурных органах, всячески тормозили рост молодых советских писателей и поэтов и монопольно распространяли свои произведения и произведения старых туркменских поэтов. Например, **Куль Мухамедов,** виднейший представитель контрреволюционных националистов, написал и издал ряд книг по истории литературы, способствующих разжиганию национальной розни.

«Советскую» по форме позицию в своих произведениях старались занять **Кербабаев** и **Бурунов,** возглавлявшие буржуазно-кулацкое крыло в литературе.

Ряд произведений Кербабаева посвящен туркменской женщине. Под флагом борьбы за раскрепощение женщин он проводит либерально-буржуазные идейки, направленные главным образом на доказательство права девушек «свободно выбирать себе мужей». Однако вопросы социально-экономические, тем более вопросы классовой борьбы в отношении женщин (один из наиболее острых участков классовой борьбы в Туркмении), никогда не затрагивались Кербабаевым.

Из произведений Бурунова следует особо отметить поэму «18 потопленных туркмен» и пьесу «На хлопковом фронте». В поэме «18 потопленных» под видом описания террора белогвардейцев активно проводится националистическая концепция. Положив в основу исторический факт, Бурунов постарался вытравить из него элементы классовой борьбы и заострить моменты национальной розни.

Литературные маски с группы Кербабаева—Бурунова были сорваны почти одновременно с разоблачением ее контрреволюционной деятельности. Развернутая в этом направлении марксистско-ленинская критика, перестройка литературных организаций и укрепление советскими кадрами органов культурной революции (Наркомпрос, Гиз, Туркменкульт) — все это расчистило путь для быстрого под'ема зажимавшейся националистами молодой советской литературы и подготовило почву для широкого и бурного роста национальной советской художественной литературы Туркмении после исторического решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года.

К этому времени усилилась связь с центральными советскими литературными организациями, усилилось влияние на творчество туркменских писателей всей передовой советской литературы. Значение литературы СССР, особенно русской, до последнего времени всячески затушевывалось контрреволюционными националистическими элементами (тормозился перевод ее на туркменский язык, совершенно не находили отражения в туркменской литературе и критике даже виднейшие произведения крупнейших советских писателей, в том числе и **М. Горького**). Только с 1931—1932 г. эти вопросы были поставлены во всю широту, а в настоящее время влияние советской литературы Союза является ведущим началом во всем творчестве молодых советских писателей Туркмении.

Но молодая наша литература не избежала влияния старой туркменской литературы.

Примером такого влияния прошлого может служить творчество молодого талантливого поэта **Аламышева.** Тяжелым пессимизмом проникнута его поэма о новом быте в ауле, отражающая жестокую борьбу вокруг раскрепощения женщины. Герои поэмы оказываются бессильными перед законами старого аула, и поэма кончается слезами, как единственной формой протеста против классовых врагов, победивших в борьбе женщины за свое право на новую жизнь.

Сгорело мое сердце, сгорело,
Потухла моя свеча, потухла...

— таковы заключительные строки поэмы.

Нетрудно найти и ряд формальных влияний прошлого на творчество советских поэтов. Они ощутимы в стихах **Ахундова.** У **Шали Кемилева** они выражаются в слепом подражании старой форме мистически религиозного стиха. Некритически используются старые формы, и, соответственно этому, ломается язык, приближаясь к искусственному литературному языку феодально-ишанской верхушки прошлого. Некоторые поэты подменяют современные художественные образы образами, взятыми из старой литературы, из искусственного языка персидской и турецкой литературы феодального происхождения.

Наконец, встречаются еще и отголоски националистических влияний, выражающиеся как в недооценке и непонимании роли советского пролетариата в социалистическом строительстве Туркмении (например, в поэме Аламышева эти вопросы совершенно обойдены), так и в недооценке ведущей роли передовых советских литератур.

Вот почему с особой остротой велась борьба за правильную национальную политику партии в вопросах культуры и литературы.

Но имеющиеся сейчас нездоровые явления ни в какой мере не могут итти в сравнение с тем периодом, когда ведущую роль в художественной литературе играли контрреволюционные националистические элементы, а ростки подлинно советской литературы едва проглядывали в массе чуждой нам продукции. Сейчас советская художественная литература Туркмении представляет мощный поток в общем русле великого социалистического строительства нашей республики.

За *последние два года к отдельным* высоко художественным произведениям, изданным ранее, прибавились десятки книг и сборников, наглядно показывающих рост молодых советских писателей, все большее приближение их к вопросам социалистического строительства и все более высокое овладение ими художественным мастерством.

Крепнет тематика поэтического творчества, разностороннее становится и само творчество. От стихотворений и поэм писатели приходят к очерку и рассказу, включаются в драматургию.

Издается республиканский журнал «Советская литература Туркмении». Принимаются меры к увеличению перевода на туркменский язык лучших произведений классической и советской литературы братских республик и международной революционной литературы.

Развертывается учеба писателей общекультурная, политическая и по овладению художественным мастерством. Для актива создана школа по изучению русского языка, семинар по марксистскому литературоведению.

Одним из значительных тормозов дальнейшего роста литературы является почти полное отсутствие марксистско-ленинской критики.

Все еще недостаточно развернута учеба писателей, работа их над собой, без чего немыслимо создание высоко художественных произведений. Необходимо в ближайшее же время осуществить систематическую посылку на учебу в союзные центры писательского актива. Особенно следует подчеркнуть важность связи с литературой братских республик СССР. Немалое значение в этом отношении должны сыграть переводы лучших произведений туркменских писателей на языки братских республик, взаимная посылка писательских бригад и другие методы литературной связи.

Вопросы критического использования литературного наследства прошлого приобретают сейчас для советской литературы Турк. ССР особую остроту. До сих пор творчество Махмут Кули и других писателей и поэтов прошлого, так же как и народное творчество, не только не изучалось с марксистско-ленинской точки зрения, но даже не было организованных попыток собирания всего наследства прошлого. Между тем борьба за развитие туркменского языка и обогащение его требуют самого тщательного изучения народного языка, значительно засоренного чуждыми влияниями. В этом отношении союз советских писателей Туркмении ждет прямой помощи от Академии наук СССР.

Решение этих задач и еще большее усиление связи художественной литературы с трудящимися массами, в первую очередь на основе активного участия писателей и поэтов в социалистическом строительстве, откроет перед молодым национальным отрядом единой советской литературы новые перспективы качественного роста. Беспощадно разоблачая классового врага, в какую бы маску он ни рядился, усиливая борьбу на два фронта—против великодержавного шовинизма и местного национализма, туркменская художественная советская литература с честью понесет и дальше знамя мировой пролетарской литературы—знамя **Ленина—Сталина.**

РАСЦВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Доклад председателя союза советских писателей Армении тов. Д. Симоняна на всесоюзном с'езде писателей

...ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ...

С'езд писателей советских социалистических республик является значительной вехой на пути нашего общего движения к единой интернациональной социалистической культуре.

Вождь нашей великой партии и рабочего класса—*товарищ* **Сталин** учит нас тому, что эта единая общечеловеческая культура создается развитием национальных культур—национальных по форме и социалистических по содержанию.

Строительство национальной культуры получило огромный размах и в советской Армении за 14 лет ее существования.

Армянская культура принадлежит к числу древнейших культур Востока. Первые армянские литературные памятники историография относит к V веку, когда был составлен армянский алфавит. Но есть все данные предполагать, что письменность у армян существовала и до V века, в дохристианскую пору их истории.

Великий армянский историк, «отец поэтов» **Мовсес Хоренаци** (Моисей Хоренский), которого историческая наука относит к VIII веку нашей эры, в своей «Истории Армении» увековечил некоторые отрывки из массы былин, сказаний, легенд и песен, какие он слышал из уст народных певцов и сказителей.

Ныне фольклористы под руководством Института культуры Армении *собирают* и научно обрабатывают богатейшее народное творчество, идущее из глубины веков. Попутно с этим они ведут ценную работу по собиранию советского армянского фольклора.

Валерий Брюсов в своем историко-литературном очерке о «Поэзии Армении и ее единстве на протяжении веков», помещенном в сборнике «Поэзия Армении», отмечает «изысканность словесного выражения армянской песни».

«Эта поэзия,—говорит В. Брюсов,—по восточному цветистая, по западному мудрая, знающая скорбь без отчаяния, страсть без исступления, восторг, чуждый безудержности... А особое изящество форм,—заключает Брюсов,—и оригинальность подхода к замыслу позволяют назвать армянскую народную поэзию песнями народа-художника».

В армянском народном творчестве особо выделяется эпопея «**Сасунци Давида**» (Давид Сасунский). Эта поэма о Давиде Сасунском является перлом армянского эпоса. В фигуру Давида Сасунского армянский трудовой народ вложил лучшие свои черты и идеалы. Эта поэма до сих пор сказывается и поется народными массами. По жизненной правдивости образов, по изяществу формы, по богатству фантазии, по выражению народной мудрости и простоты поэма «Сасунци Давида» является одним из лучших образцов мирового эпоса. Ее значение далеко выходит за пределы армянской народной поэзии. В ближайшее время эта поэма полностью сделается достоянием широких масс читателей в русском переводе.

В истории поэзии Армении выдающееся место занимает лирика XIII — XVI вв. Поэзия означенных веков носит характер наиболее самостоятельного значения. Этот период характеризуется развитием светской, *суб'ективно-интимной лирики* **(Фрик, Григор Ахтамарци, Нагаш, Нагапет Кучак и др.).**

Армения в XVII — XVIII столетиях делается театром продолжительных войн между Персией и Турцией.

Хотя литературная жизнь в XVII веке внутри страны замирает, но народное творчество продолжает жить. К этому творчеству примыкает и поэзия ашугов. Ашуг—это народный поэт, поющий под аккомпанемент инструмента свои или чужие песни на народных собраниях, на пирах и свадьбах. Ашуги нередко состязаются между собой. Непревзойденным по силе творчества армянским ашугом является **Саят Нова**, сын переселенца из Армении в Тифлис, ремесленник, живший в XVIII столетии. Он писал и распевал свои песни на армянском, грузинском и тюркском языках. Его—этого забытого ашуга — открыл армянский исследователь Ахверлов, который в 1852 г. издал в Москве первый сборник его стихотворений на любовные темы.

С XVII столетия усиливается образование армянских колоний (поселений) в России (в Нахичевани-на-Дону, на побережье Черного моря — в Феодосии) во Франции (в Марселе и Париже), в Индии, Константинополе, Тифлисе, Венеции и Вене. Значительная часть этих колоний долгое время являлась очагами культурной жизни армян.

В начале XVIII в. в Венеции основывается религиозный орден под названием «мхитаристов». Затем из него выделяется венский орден. Оба эти ордена существуют и поныне. Эти «мхитаристы» до второй половины XIX столетия сделали многое в области изучения армянского языка, истории Армении, ее литературы, а также в области популяризации европейской литературы многочисленными переводами.

В той же Венеции в 1513 г. была напечатана первая армянская книга. Первая армянская газета вышла в Индии в 1794 г.

Армянская литература с начала XIX столетия разделяется на две ветви—на так называемую западную литературу, т. е. литературу турецких армян, и восточную литературу—литературу русских армян. Литература же персидских армян примыкала к литературе восточных армян. В то время как западная литература развивается преимущественно под влиянием французской литературы, литература восточных армян развивается под влиянием русской литературы.

Целые поколения молодых людей устремляются в русские высшие учебные заведения—Дерптский университет, в Москву, в Лазаревский институт, в Венецию, в Париж. Начинает развиваться новая, светская литература с новой тематикой.

Эта литература второй половины XIX столетия носит на себе печать политических и социальных устремлений и идеалов армянской буржуазии.

Писатели с буржуазной идеологией начинают в художественной литературе культивировать националистическую идеологию и в романтических красках обрисовывать будущую «великую Армению». **(Рафаэль Патканян, Раффи и др.).**

Наряду с этим в XIX столетии развивается и демократическое течение армянской литературы. Это течение *старается* в художественной литературе отображать жизнь, быт, чаяния преимущественно крестьянских масс, показывать обездоленное состояние этих масс под властью царских чиновников и в когтях армянских эксплуататорских классов. К этому течению примыкает ряд крупных крестьянских мелкобуржуазных писателей — **Газарос Агаян, Агапян** и др.

Основоположником новой литературы русских армян считается **Хачатур Абовиан** (1804—1848). Он использовал народный диалект для своего романа «Раны Армении». Этим романом открывается история литературы XIX столетия. Невзирая на националистические идеи, роман содержит много ярких мест, изображающих крестьянский быт, угнетенное экономическое и политическое положение крестьян.

Самая яркая фигура 60-х годов—это **Микаэл Налбандян** (1829—1866) блестящий публицист, мыслитель, критик и поэт. Он был другом Герцена, поддерживал личные связи с Бакуниным, за что был *арестован и посажен в Петропавловскую* крепость, где он просидел 3 года. Его основное произведение «Земледелие» было запрещено царской цензурой. В этом произведении он проповедует социализацию земли.

В армянской литературе во второй половине XIX столетия видное место занимает величайший драматург **Габриэл Сундукян** (1825—1882), основатель реалистической драматургии. Сундукян писал свои произведения на армянском языке. Большинство его персонажей — ремесленники, мелкие люди. Сундукян мастерски показал лицо представителей ростовщическо-торгового капитала. Хотя Сундукян писал по-армянски, но им созданные персонажи настолько общи для всех закавказских народов, что товарищи грузины считают его *также грузинским драматургом*. Крупнейшей фигурой армянской литературы конца XIX столетия является поэт **Ованес Туманян**, который в прекрасных поэмах и стихах запечатлел деградировавшую патриархальную деревню.

Истоки современной революционной пролетарской литературы Армении восходят к началу XX столетия. В это время в армянской литературе возникает заметное революционное течение. Наиболее крупной фигурой этого течения является народный поэт Армении и Закавказья, старейший член коммунистической партии, основоположник армянской пролетарской поэзии **Акоп Акопян**. Накануне 1905 г. он в своих стихах воспевал зарю революционного пожара, грядущую победу пролетариата.

Вместе с Акоп Акопяном представителями революционной литературы досоветского периода являются поэтесса **Шушаник Кургинян**, рабочий-драматург **Анушаван Варданян, Арази.**

Советская литература Армении имеет в своих рядах самых лучших представителей армянской литературы досоветского периода. На советскую платформу стали лучшие культурные силы, которые до революции были под влиянием националистической идеологии армянской буржуазии. Теперь там, за рубежом, контрреволюционные *дашнаки, обивающие пороги империалистов*, имеют за собой лишь жалкие фигуры издыхающей мистически-националистической литературы.

В семье советских писателей Армении из дореволюционных армянских писателей наикрупной фигурой является народный писатель **Александр Ширванзадэ**, оказавший на армянскую литературу огромное влияние, основоположник реалистической школы в прозе, армянский Бальзак.

ПЕВЦЫ ПРОБУЖДАЮЩЕГОСЯ ВОСТОКА.

Наиболее крупным представителем послеоктябрьской армянской литературы является **Егише Чаренц**. В этом году исполняется 20-летие его литературной деятельности. В 1918 г. вышла его большая поэма «Безумные толпы». В этой поэме Чаренц в блестящей форме отобразил гражданскую войну российского пролетариата. В следующей поэме под заглавием «Всеобщая поэма» Чаренц *воспевает вооруженное восстание* пролетариата и победу революции. Особую художественную ценность представляет его роман «Страна Наири». В этом произведении автор разоблачает социально-политическую сущность армянской буржуазно-националистической партии «дашнакцутюн» и подвергает едкой насмешке национальный романтизм армянской мелкой буржуазии. В творчестве Чаренца занимают почетное место «Ленинские поэмы»: «Ленин и Али», «Ленин», «Баллада о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог». Грядущей революции на Западе и Востоке посвящены его поэмы «Стамбул» и «Стена коммунаров», написанные им в бытность его в заграничной командировке в 1924—25 году.

За последние годы Чаренц пробует свои силы в области философской поэзии. Чаренц оказал громадное влияние на армянскую поэзию. Большинство поэтов советской Армении и поэтов-армян советского Закавказья развивалось, испытывая в большей или меньшей мере влияние Чаренца. К сожалению, до сего времени наилучшие произведения этого крупного поэта, *имеющие большое значение для литературы* всего Союза, не переведены на русский язык.

Поэт **Азат Вштуни** занимает особое место в советской литературе Армении. Он единственный в армянской поэзии, который в форме восточных ашугов и классической восточной поэзии воспевает революционно-освободительную борьбу порабощенных народов Востока. Его поэмы, посвященные революционному движению Индии («Рам Рой»), Китаю («Китайская девушка»), Турции, Персии, являются лучшими образцами революционной поэзии.

Алазан—бывший наборщик, ответственный секретарь союза писателей и редактор «Литературной газеты» Армении. Писать начал с 1922 года. Поэт и прозаик, очеркист. В 1933 г. вышло собрание его стихов и поэм под названием «Борения». Этот сборник характерен тем, что в нем Алазан ставит себе задачей дать «песни строительства и победы» и в поэтической форме противопоставить настоящую Армению ее историческому прошлому (в поэме «Век против века»). Поэтическое творчество Алазана на своих первых этапах было примитивным. В упомянутом сборнике Алазан достигает уже значительного развития и углубления в своей поэзии. Алазан недавно выпустил большой индустриальный роман «На шестидесятом горизонте». Тема романа—жизнь и борьба рабочих медных рудников Армении.

Гурген Маари—лирический поэт, начавший писать с 1922 года. До последнего времени его стихи и поэмы, носящие отпечаток суб'ективно-интимной поэзии, затрагивали вопросы отношения к старой, армянской деревне, к природе Армении и к прошлому армянского народа. Здесь у Гургена Маари сказывается некоторая идеализация дореволюционного крестьянского быта, устоев деревенской жизни и крестьянских нравов.

Наири Зарян как поэт стал развиваться при советской власти. Наиболее ценным его произведением является большая поэма «Рушанская скала». В ней впервые колхозное движение получило яркое отображение.

К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ.

Советская проза Армении, в отличие от поэзии, имеет ряд представителей, известных в дореволюционной армянской литературе. Среди этих представителей самой крупной фигурой является народный писатель и драматург **Ширванзадэ**. Ширванзадэ является основоположником реалистической школы. Несмотря на преклонный возраст и на полувековую работу в области литературы, Александр Ширванзадэ продолжает работать над новыми произведениями, в частности над продолжением романа «Хаос». Этот роман издан до революции и является *самым крупным и ценным произведением* Ширванзадэ. Роман вскрывает эксплуататорскую сущность армянской бакинской буржуазии и невыносимые условия существования бакинского пролетариата.

К группе дореволюционных прозаиков принадлежит также **Дереник Демирчян**. К этой же группе принадлежат кроме Демирчяна **Степан Зорян, Ваган Тотовенц**, заслуженный артист **Микаел Манвелян**. Перечисленные писатели принадлежали к мелкобуржуазному течению прошлой армянской литературы. Во время империалистической войны их творчество было проникнуто пацифистскими настроениями. В некоторых своих рассказах, написанных в годы войны, Степан Зорян и Дереник Демирчян выражают гуманистические идеалы разочарованной войной интеллигенции.

Степан Зорян — *один из крупных* прозаиков Армении. Он выступил на литературном поприще в годы империалистической войны. Его мелкие рассказы этого времени характеризуются описанием эпизодов из военной жизни и жизни армянской провинции. Но Степан Зорян как писатель получает полную возможность развития своего дарования лишь в советских условиях. В рассказах «Председатель ревкома», «Девушка из библиотеки» и в романе «Белый город» заметен значительный поворот к тематике нашей действительности. В первом рассказе Степан Зорян рисует облик председателя революционного комитета деревни. В рассказе «Девушка из библиотеки» он изображает революционное подполье в провинциальном городе и создает удачный тип большевички. В романе «Белый город» Степан Зорян развертывает картину бурного роста одного из глухих городов советской Армении. «Белый город» является одним из значительных произведений нашей художественной прозы последнего периода.

Ваган Тотовенц писать начал также в годы войны. Его первые рассказы и художественные очерки являются данью национальному романтизму мелкой буржуазии. Ваган Тотовенц в советской Армении освобождается от этого романтизма и становится на почву понимания революционной действительности. Его большой роман «Баку» написан на материале революционного прошлого бакинского пролетариата. Он безусловно достоин перевода на русский язык.

Заслуженный артист Микаел Манвелян *за советский период* своего творчества дал ряд рассказов, в которых изображаются моменты нового, социалистического быта.

К группе дореволюционных писателей относятся **Хнко Апер и Забел Есаян.** Хнко Апер —баснописец и детский писатель. Его басни, стихи и рассказы для детей читаются детворой с большим интересом. Писательница Забел Есаян приехала в Армению из-за границы, где она после победы Советов в Армении об'явила себя сторонницей советской власти. Известная среди зарубежных армян, Забел Есаян в своих статьях и художественных очерках освещала социалистическое строительство.

Талантливым и самым крупным прозаиком советской Армении является **Аксель Бакунц**. Как писатель Бакунц принадлежит к послеоктябрьскому *поколению, хотя у него имеются* рассказы, написанные, но не изданные до революции. Первые рассказы Акселя Бакунца появились в печати в 1923—1924 гг. В этих рассказах Бакунц еще не имеет классового подхода к изображаемым им явлениям и лицам.

Бакунц — преимущественно крестьянский писатель. В мелких рассказах он мастерски изображает старый быт перестраивающейся армянской деревни. Эти первые рассказы обратили внимание читающей публики на молодого, до того неизвестного автора. Собранные в отдельный сборник под заглавием «Темное ущелье», эти рассказы являются наилучшим отражением изменения облика деревни советской Армении. Вслед за этими рассказами появился сатирический роман «Овнатан Марч», *направленный против армянской националистической интеллигенции.*

В прозе советской Армении больше, чем в поэзии, заметны те недостатки, о которых в своих последних выступлениях говорил великий пролетарский писатель **Максим Горький**. Хотя произведения советских прозаиков свидетельствуют о глубоких идейных, психологических сдвигах в сторону овладения мировоззрением пролетариата, но многие произведения страдают схематизмом, отсутствием тщательной обработки, подчас вульгаризацией образов. Невзирая на значительные достижения прозы, до сих пор герои, строители жизни, новый быт не имеют отображения в высокохудожественной форме. Наряду с этими недостатками идеологические шатания в прозе дают себя чувствовать больше, чем *в поэзии*.

Наиболее отстающим участком армянской литературы является драматургия. Сравнительно небольшое число писателей посвящает свои силы драматургии.

Отметим лишь имевший большой успех «Храбрый Назар» Дереника Демирчяна. Народную сказку о «Храбром Назаре» Демирчян мастерски использовал для осмеяния армянской националистической интеллигенции. Пьеса заслуженного артиста Государственного театра Армении **Джанана—«Шахнаме»** удостоилась третьей премии на всесоюзном конкурсе.

СОЗДАЛИ КУРДСКИЙ АЛФАВИТ И КУРДСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

В Армении живет около 100.000 тюрок, 25.000 курдов. При союзе писателей имеются тюркская и курдская секции. В этих секциях работают исключительно молодые писатели, произведения которых печатаются в прессе, в альманахах, а также издаются отдельными сборниками. *Издан один сборник курдской* литературы. В первые годы организации советской власти Армении для курдского населения был составлен латинский алфавит, открыт курдский педагогический техникум. Алфавит явился фактором огромной важности в деле просвещения курдских масс. Известно, что на протяжении всей своей истории курды не имели письменности. На составленном в Армении алфавите изданы многочисленные учебники, политическая и экономическая литература, армяно-курдский словарь. Недавно вышел из печати на курдском языке «Коммунистический манифест». За последние три года начала развиваться курдская художественная литература на базе богатого курдского фольклора. Бывшие пастухи, батраки и их дети, получив образование в курдском педагогическом техникуме *и Государственном университете* Армении, на родном языке двигают вперед дело развития курдской культуры, оказывающей соответствующее влияние и на курдские массы, находящиеся за пределами Советского Союза.

* * *

В литературе советской Армении вопросы прошлой истории армянского народа занимают значительное место. Делаются попытки художественным словом оценить эту прошлую историю. Эта задача огромной важности и на этой задаче спотыкается ряд наших даровитых писателей, впадая в отдельные ошибки националистического порядка. Эти ошибки подверглись развернутой критике на недавнем с'езде писателей Армении. Писатели Чаренц, Гурген Маари, Аксель Бакунц, Ваан Тотовенц в ряде своих произведений, посвященных вопросам прошлой истории, допустили некоторую идеализацию этого прошлого, некритическое отношение к нему, недостаточно вскрыли классовую борьбу в прошлом армянского народа.

Первый в мире с'езд писателей явится могучим толчком к движению всей нашей советской литературы к новым художественным высотам.

То, что создала советская литература Армении, дает основание полагать, что у *армянских писателей имеется огромная* творческая потенция. Держа в своих руках факел марксизма-ленинизма, идя рука в ногу с рабочим классом, под руководством великой коммунистической партии, писатели Армении будут в первой шеренге советской литературы. После этого исторического с'езда они с новыми силами, с новой энергией возьмутся за создание больших произведений, созвучных нашей величайшей эпохе. Еще теснее сплотившись под знаменем коммунистической партии, писатели Армении пойдут к новым достижениям по пути успешного осуществления тех грандиозных задач, которые поставлены перед литературой всего Союза великим вождем нашей партии и рабочего класса товарищем Сталиным.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

Писатель Армении т. ШИРВАН-ЗАДЕ.

ДНЕВНИК С'ЕЗДА.

Утреннее заседание 22 августа

Утреннее заседание открывает товарищ Малышкин.

Горьковский обзор человеческой культуры и содоклады о росте национальных культур возбудили столь глубокий отклик во всех участниках с'езда, что список ораторов в прениях все увеличивается от заседания к заседанию.

Первым получает слово в утреннем заседании 22 августа тов. **Бахметьев**, посвятивший свое выступление *анализу единства* советской литературы. Что об'единяет многообразие национальных культур, творимых на шестой части мира? Каким единым качеством пронизаны произведения русских, украинских, белорусских, грузинских, узбекских *писателей и поэтов?* Партийность советской литературы — вот об'единяющее качество ее. Роль нашей литературы, ее сила и ее действенность будут повышаться по мере того, как будет развиваться партийная ее целеустремленность.

Тов. **Березовский** *справедливо* упрекает критику, что она никакого внимания не уделяет новым писателям, вышедшим из народной массы.

О новых отношениях к труду, о новых бытовых взаимоотношениях говорит **Петро Панч**, *украинский поэт*. Исключительная по богатству и разнообразию тема стоит перед советским писателем. Если сумеет писатель овладеть темой о новых социалистических взаимоотношениях, он станет популярным, любимым автором у миллионов читателей.

О своеобразной диффузии, о непрерывном взаимодействии двух братских, советских культур—русской и азербайджанской — говорит тов. **Али-Назим.**

Анна Караваева выступила с большой речью о жизнерадостных читателях с высокими культурными запросами.

— Рабочий и работница хотят теперь жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей. Читатель требует от нас, литераторов, высококачественной, полной бодрости и мужества литературы. Смысл нашей работы—помогать партии Ленина и Сталина в воспитании героических душ.

Автор «Капитального ремонта» тов. **Соболев** призывает писателей работать с великой любовью и могучей ненавистью, ибо лишь при этом условии можно создать подлинные произведения искусства, способные разжечь широкие массы читателей.

Аплодисментами встречает с'езд появившуюся на трибуне Мариэтту **Шагинян**. Язык, культура языка, его движение, его обогащение особо занимают внимание писательницы.

Писательница призывает изучать национальные литературы и теоретически обобщать их опыт.

Мариэтту Шагинян сменяет на трибуне работница, ставшая писательницей, **Новикова-Вашенцева**; она передает привет с'езду от имени рабкорок, из среды которых она выросла.

С горячностью и непоколебимой верой утверждает широкие перспективы для советской литературы тов. **Серафимович**:

— Скоро,—говорит он,—скорее, чем мы думаем, у нас будет мировая советская литература.

Последними в утреннем заседании выступили башкирский писатель **Тагиров** и армянский писатель **Бакунц**.

— *Для меня Тарас* Шевченко или Шота Руставелли—родные писатели, хотя они и другой со мной национальности, — сказал тов. Бакунц. — Писатели, творящие сейчас советскую литературу в Москве, или в Тифлисе, в Баку или в Киеве, в Эривани или Минске, все они мне близки и дороги: они делают единое общее дело на разных языках.

С'езд откликнулся шумными аплодисментами на эти слова писателя.

* * *

Вечером, 22 августа, председательствовал т. **Лахути**. В прениях выступили: **Вл. Лидин, Бронштейн** (Белоруссия), **М. Кольцов, Сулейман Стальский, К. Федин, А. М. Горький, Вс. Иванов, Фадеев, Ю. Олеша, Сейфуллина, Ем. Ярославский.** С'езд приветствовали делегация московских колхозников и делегация художников-палешан.

ЗА ШИРОТУ ОБОБЩЕНИИ.

Речь тов. М. Шагинян на с'езде писателей.

У работников советской литературы накопилось немало важных теоретических вопросов. Многие напряженно думают сейчас над проблемами жанра, композиции, языка, заняты исканием наибольшей выразительности, исканием такой лирической темы, которая помогла бы каждому из них освоить материал своей темы изнутри, в меру накопленного личного опыта.

В надежде обсудить все эти вопросы мы пришли на с'езд. И здесь неожиданно для нас открылся абсолютно новый путь, который поможет нам плодотворно поставить и разрешить эти вопросы.

На протяжении предшествующих дней мы тут услышали целый ряд докладов о национальной литературе наших братских республик. Некоторые из нас, в том числе и я, использовали это время для прочтения части книг, о которых упоминается в этих докладах.

С'езд поставил нас лицом к лицу с нашими товарищами по перу, пишущими на десятках языков, отличных от русского. С'езд дал нам возможность услышать и увидеть то, как во всех уголках Союза созидается социалистическая культура. Это бесконечно расширило перед нами то опытное поле, на котором мы можем ставить и разрешать вопросы нашего мастерства.

Проблемы, которые волнуют русских писателей, совершенно так же волнуют и писателей Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, Грузии и других республик. Теоретические вопросы, разбирающиеся у нас, разбираются и у них. Наша борьба за тему является и их борьбой за тему. Из этого единства содержания творимой нами культуры, при всей многокрасочности и разности национальных форм, возникают широчайшие возможности для сравнительных выводов.

В вопросе о языке наша дискуссия показала, что у нас еще очень мало накоплено эмпирического материала, который мог бы нам помочь четко проанализировать те изменения, какие происходят в русском языке. Но у наших национальных литератур язык тоже не спит и накапливает свой материал. Если мы привлечем его, проблема языка у нас уяснится.

Разбирая изменения, происходящие в *национальных языках*, можно отметить, что они движутся в определенную сторону—в сторону облегчения пользования языком для широчайших масс. Для этого арабский шрифт заменяется латинским, упрощается орфография. Изменения эти движутся в сторону повышения элементов связи между языками разных народов. Это достигается путем внедрения в язык общеполитических слов с одинаковыми корнями. Затем происходит повышение смыслового тождества слов и тем самым повышение смысловой узнаваемости языка между народами. Это достигается тем, что слова заполняются выражением единых для всех понятий социалистической культуры. Одновременно идут рост и развитие максимальной красочности каждого данного языка.

Этот процесс никак нельзя охарактеризовать иначе, как бессмертной сталинской формулой, формулой национального расцвета *для подготовки* условий грядущего единства, когда во всем мире победит коммунизм.

Вы видите, таким образом, что возросший эмпирический опыт, возросшее количество фактов в литературе национальных республик помогают нам яснее и отчетливее увидеть процессы, которые происходят в языке.

Затем оратор переходит ко второму примеру, к вопросу о композиции романов. Тов. Шагинян устанавливает тот факт, что установившаяся традиция—давать бесконечные романы с продолжением—до сих пор еще не вызвала никакого недовольства критики, в то время как читатели давным-давно, можно сказать, вопиют об этом. Они кричат нам отовсюду: не морите, дайте целую книгу, дайте такую книгу, в которой были бы сразу и начало и конец.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

М. ШАГИНЯН.

На примере интересного романа молодого грузинского писателя **Лорткипанидзе** «Долой кукурузную республику» т. Шагинян доказывает: романист часто авансирует вторую книгу даже тогда, когда у него нет необходимости изнутри возвращаться к первой книге и продолжать ее. Дело просто в том, что он жалеет расстаться со своим героем. Жалеет потому, что в лице героя и его долгого века он получает натуральный сюжетный посох, с которым бесконечно шествует по страницам своей книги.

Между тем у нас нет надобности следовать за одним человеком, чтобы воссоздать полотно социалистического развития. В этом полотне на каждом данном этапе характеры не прежние, а новые люди, не старые, а новые коллизии. Поэтому наша болезнь «продолжений» вовсе не вызвана необходимостью, а есть неумение кончать, неумение строить целую форму. Необходимо бороться за такое умение, необходимо научиться подавать искусство не *в форме поточного описания действительности*, а в форме нащупывания в этой действительности узловых тем, которые следует воплощать в сюжете так, чтобы это стало целостным произведением искусства.

Вывод: литература братских республик, подхватив и обнажив наш прием, помогла нам осознать его и увидеть его ненадобность. На расширенной основе изучения национальных культур мы сможем не только выбраться на более широкую дорогу анализа многих чисто профессиональных вопросов, но облегчим себе решение и общих вопросов социалистической культуры.

Сравнительное изучение национальных культур Союза, первый толчок к которому дал с'езд, должно бесконечно расширить для нас то опытное поле, где мы сможем ставить и разрешать вопросы нашего мастерства. Исходя из пережитого нами наследия, единства содержания творимой нами культуры, мы убеждаемся, что наступила такая пора в истории развития нашего *искусства, когда уже нельзя обобщать на* узком поле литературы одной национальности, хотя бы и ведущей. Надо обобщать на широком сравнительном полотне многочисленных литератур социализма.

Тов. Шагинян, делая этот вывод, вносит конкретное предложение:

— Наряду с прежними бригадными формами изучения национальных литератур советских республик каждой в отдельности создать авторитетную комиссию для собирания и сравнительного изучения материалов всех национальных литератур Союза с привлечением в эту комиссию крупнейших филологов, лингвистов и лучших наших критиков и литераторов.

Последние слова Мариэтты Шагинян заглушены шумными аплодисментами.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.

РЕЧЬ ТОВ. СЕРАФИМОВИЧА.

Хочется оглянуться туда — назад, в даль, где это все началось. И мелькают предо мною три момента.

В начале революции фракция большевиков в Московском Совете поручила мне и ряду товарищей просмотреть и разобрать письма солдат с фронта. В этих письмах, написанных коряво, на обрывках, часто ничего нельзя было разобрать. То были стихи, маленькие картинки, очерки, рассказы, но главным образом стихи. И в этих стихах не было ни складу, ни ладу, ни ритма, ни рифмы.

В конце концов и я и товарищи сбежали. Мы совершили грубейшую ошибку.

В годы гражданской войны «Правда» поручила мне с другими товарищами пойти на завод и потолковать с рабочими о необходимости работать в печати. Мы отправились на окраину. Была непроглядная темь. Электричества не было.

Подошли к темным запертым воротам законсервированного металлургического завода. Долго стучали. Наконец нам отворили. Мы полезли по какой-то промерзлой винтовой лестнице куда-то очень высоко, и я все думал, что сорвусь и упаду. Наконец, влезли. Промерзшая комната. Сидят 12—15 рабочих, согнулись, в полушубках, в продранных валенках. Освещает комнату тусклая лампочка.

Стали мы улещать их: нужно работать в печати, нужно, чтобы рабочие сами освещали свою жизнь. Они слушали молча, не говоря ни слова. Наконец, мы уже истощились, все выложили, что могли. Они молчат.

— Ну что ж, товарищи, говорите—кто первый будет писать?

Тогда хмуро поднимается рабочий с ввалившимися глазами, лицо усталое, голодное, и сердито говорит:

— Говорите, чтобы писать нам. Да они, руки-то, вот крючками, их не разогнешь. В холоде, ведь... Я вот не жравши ничего. Да и как писать? Вы там учились в гимназиях, по университетам, а тут карандаш насилу держишь... Как же вы не понимаете, куда вы полезли?..

И опять мы спускались по этой промерзлой винтовой лестнице и все думали, что куда-то сорвемся в темноту. И мне все казалось: «Нет, не скоро еще, еще много времени пройдет...» И ошибся.

Как-то в большой зной ехал я по Владикавказской дороге. Вагон третьего класса набит. Вдруг легким пружинящим шагом входит горец. Он глянул на всех, как будто никого не видел. Подошел и стал поднимать над скамейкой верхнюю полку, чтобы лечь. Я ему говорю:

— Есть правило, что верхние койки поднимаются только с 9 час. вечера, а то невозможно здесь ни пройти, ни сидеть, ни дышать.

Он глянул на меня, — и я оторопел. Такой острой, незамирающей ненавистью плеснуло на меня из-под его ресниц. Он выругался, залез наверх и улегся. Ну, думаю, что ж, нужно как-то все это покончить. Проходит кондуктор. Я ему рассказываю.

— Да, — говорит, — нельзя. Можно только с 9 часов вечера. — И он предлагает горцу слезть. Тот было помялся, но слез.

Поезд пошел. Горец сел. Только когда кондуктор вошел и стал разбираться, горец с таким странным выражением и с такой неугасающей ненавистью оглянулся кругом и говорит:

— Да ведь я один тут, а кругом все русские.

Надо было слышать его — какая бездна отчужденности, ненависти к поработителям!

Инцидент окончился. Позже вошел какой-то мужичок, очевидно, маляр, и тоже стал поднимать полку. А ему говорят: нельзя, только с 9 часов. Ну, нельзя—что ж. Сел.

Я гляжу на горца. Он сквозь ресницы, с величайшим изумлением смотрел на то, что происходит. Он никак не ожидал, что попадет в одинаковое положение с русским.

Я думал: «Ох, сколько же пройдет времени, пока потухнет эта ненависть!» И я во времени опять ошибся. Мои товарищи, писатели братских народов, смотрят сегодня отсюда светлыми, ясными, дружескими глазами, и мы идем плечо в плечо, как братья, и наши республики — едины в Советском Союзе. Все сделалось в неизмеримо короткий срок, который тогда не укладывался в голове.

Вот, товарищи, как оно началось. И чрезвычайно интересно, как же оно продолжалось, как развертывалась об'единенная советская литература, как партия любовно, умело, мягкой и в то же время твердой рукой направляла это развитие.

Почему же, откуда такая громадная сила в нашей художественной советской литературе? Только от одного — от того большого напряжения, направленности к одной цели и от того громадного внутреннего единства художественного творчества, которое несет в себе советская литература. Эта направленность одна — на построение социалистического общества.

Оттого, что наша художественная литература так могуча, около нее начинает уже нарастать и концентрироваться также и мировая литература. Я не хочу сделать четвертую ошибку. Скоро, скорее, чем мы думаем, у нас будет мировая советская литература. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

ТЕМА НАЙДЕНА.

РЕЧЬ ТОВ. К. ФЕДИНА.

Один из основных выводов, который наш с'езд может сделать из докладов, состоит в том, что общие большие вопросы современности стали вопросами нашей литературы. Большие вопросы действительности стали тематической задачей нашей художественной прозы. **Тема найдена и нашла на этой трибуне превосходное выражение и восторженный прием в зале.**

С'езд писателей, если бы он не был наполнен высокообщественным содержанием, не мог бы длиться так долго и не мог бы привлечь к себе таких толп читателей. Одна из характерных черт с'езда, что он стал не только с'ездом советских писателей, но и с'ездом **советских народностей.** Мы присутствуем перед **демонстрацией дружбы,** перед демонстрацией **идейного единства национальностей,** которые еще недавно не могли бы находиться под одной кровлей — разобщенные, расколотые, разорванные на куски, натравленные друг на друга смердящей политикой «белого» царя. И вот на этой трибуне сменялись Армения, Азербайджан и Грузия, сменялись представители народов Средней Азии, недавних царских колоний, а теперь советских социалистических республик.

Об этом нельзя говорить без волнения и без восторга. И мы хотим, чтобы это волнение и этот восторг были поняты и разделены нашими иностранными гостями, отлично знающими, что такое тирания.

Писатели Советского Союза заявили с этой трибуны о своем единстве. Это единство выразилось в идейной общности содержания искусства. Найдена широкая тема, общая для всех социалистических литератур, тема современности, тема нашей действительности.

Когда закончится наш праздник и мы приступим к работе, перед каждым из нас встанет неизбежный вопрос: **как, какими средствами** искусства художник должен поставить найденную тему и создать образ современности? Тут мы вступаем в области специфики литературы, в ее технический арсенал. Он огромен, но надо признать, что длинный ряд совершенных инструментов и орудий ржавеет в этом арсенале потому, что редко употребляется по нашей забывчивости или по нашему неумению им владеть.

— Мы обязаны быть писателями. Это значит, что мы должны **уметь писать.** Мы знаем, что мы должны сказать. Мы хотим знать, как мы должны говорить. Это вопрос не только технологии, как принято думать,— это вопрос связи с читателем, потому что мы все еще часто обращаемся к читателю при помощи почтальона, в то время как давно уже изобретено радио.

Мы должны учиться писать, товарищи писатели, потому что наши декларации слушает вся страна, весь мир. И вся страна и весь мир потребуют теперь от нас дела. **(Продолжительные аплодисменты).**

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

ФЕДИН.

Мы будем смеяться последними!

РЕЧЬ ТОВ. МИХАИЛА КОЛЬЦОВА.

Два с половиной года тому назад ленинградский шофер Мартынов похитил у своего товарища шофера Тихонравова его шоферскую книжку, взял его машину и выехал в город. Затем Мартынов напился, катал по городу знакомых девушек и наехал на молочницу. При составлении протокола Мартынов назвал себя Тихонравовым.

Когда преступление Мартынова раскрылось, в гараже созвали общее собрание. Часть собравшихся требовала немедленно выгнать Мартынова с работы и исключить его из профсоюза. Другая часть требовала в дополнение к этому предать его суду. Третья, самая кровожадная часть собравшихся требовала: «Надо его, Мартынова, отвезти к писателю Зощенке, и пусть он с него напишет рассказ». **(Смех, аплодисменты).**

Именно в это время, два с половиной года тому назад, одному почтенному московскому редактору принесли сатирический рассказ. Он просмотрел его и сказал: «Это нам не подходит. Пролетариату смеяться еще рано. Пускай смеются наши враги». **(Смех, аплодисменты).**

Теперь уже как будто не слышно о редакторах, которые утверждали бы, что пролетариату смеяться рано. Но теперь попадаются мнения, которые можно понимать так, что, мол, пролетариату сейчас смеяться вроде как бы уже поздно. **(Смех).**

В нашей литературной критике есть высказывания, которые отрицают советскую сатиру и ее право на существование. Рассуждают при этом так: всякая сатира испокон веку является жанром обличительным, ниспровергающим существующий строй. В стране советской, в стране социалистической, где рабочий класс и партия стоят у власти—могут ли пролетарские писатели заниматься сатирой? Кого они будут критиковать? Над кем они будут издеваться? Над самими собой?

Отсюда утверждение, что при советском строе, при диктатуре пролетариата сатира немыслима и не нужна.

Достаточно быть только современником с глазами и ушами, чтобы понять, как это неправильно и легковесно. Отрицать смысл советской сатиры—это все равно, что отрицать вообще смысл самокритики при диктатуре пролетариата.

Если бы тут собралась конференция по литературному разоружению, совещались редакционные дипломаты и стали бы разбирать разные виды оружия с точки зрения их допустимости, то, конечно, в первую очередь и раньше всех была бы запрещена сатира. **(Аплодисменты).** Это было бы вполне логично, ибо сатира—самый наступательный, самый атакующий, самый вредоносный вид литературного оружия. Смех убивает—это уже сказано давно.

Но здесь не конференция по разоружению. Мы на с'езде идейного, политического и художественного вооружения советской литературы. И здесь мы можем назвать наше место. Оно — в первых рядах, на передовой линии огня.

Я слышал, что в связи с тем, что Алексей Максимович открыл 5 вакансий для гениальных и 45 для очень талантливых писателей, уже началась дележка. **(Смех, аплодисменты).** Уже расспрашивают: «А как и где забронировать местечко, если не в пятерке, то хотя бы в 45?» У кого-то есть проектец — чтобы не обидеть прочих писателей — ввести форму для членов писательского союза. Форму, которая разделялась бы по жанрам. Скажем, красный кант — для прозы, синий— для поэзии, и черный — для критиков. **(Смех, аплодисменты).** И значки завести: для прозы — чернильницу, для поэзии — лиру, а для критиков — небольшую дубинку. Идет по улице критик с четырьмя дубинами в петлицах, и все читатели перед ним становятся во фронт...

Мы, сатирики, не претендуем ни на какие особые петлицы, ни на какое-либо специальное положение. Но мы, сатирические писатели советской литературы, претендуем на то, чтобы в дальнейшем было уничтожено противоречие между действительным положением сатиры в нашей стране и между отношением к ней со стороны редакторов и критиков.

Тов. Кольцов переходит к характеристике положения на литературно-сатирическом фронте и указывает на трудности работы советских писателей-сатириков. Он называет ряд имен советских писателей, отлично работающих в области сатиры: Демьян Бедный, Безыменский, Архангельский, Зощенко, Ильф и Петров, Валентин Катаев, Зозуля, Никулин, Бухов, Ардов и другие. Кроме того, есть большая группа писателей, работающих в области советского фельетона.

На советскую сатиру есть громадный спрос.

Тираж сатирических книг расхватывается моментально. Если до революции в нашей стране был один сатирический журнал «Сатирикон», который хвалился своим тиражом в 15 тысяч экземпляров и который можно было найти на любой станции, то сейчас «Крокодил» в тираже отдельных номеров доходит до 400 тысяч экземпляров и его при этом трудно достать. Это говорит о том, что сатира нужна, нужна не только в бытовой жизни, но сплошь и рядом в жизни политической.

Вожди нашей партии на с'ездах цитируют пока, к сожалению, не нас, а классических сатириков русской литературы— Щедрина и Чехова. Будем надеяться, что наша сатира так подрастет, что на следующем с'езде будут цитировать уже современных сатириков.

В последнее время у нас наряду с сатирой расцветает и юмор. Надо не понимать нынешней эпохи зажиточной жизни рабочего, колхозника и техника, его желания смеяться и шутить побольше, чтобы противодействовать этой новой волне юмора, которая поднимается в нашей советской литературе. Рабочий класс уже смеется в нашей стране, он скоро будет смеяться и во всем мире. Рабочий класс— последний класс, и в истории классов смеяться он будет последним!

Если вся советская литература — детище и часть процесса социалистического строительства, то мы, сатирики, отражаем в литературе одно из великолепнейших завоеваний рабочего класса — его развернутую большевистскую самокритику — уничтожающую для врагов и созидательную для самого рабочего класса.

И мы льстим себя надеждой, что, когда коммунизм победит во всех странах, когда он укрепится, когда кончатся все войны и не нужно будет вооруженной силы,—если тогда на каком-нибудь острове найдется кучка людей, отстаивающая старое, то к ним будет послан, как устрашающая сила, самолет «Крокодила». И когда этот самолет опустится и из него выйдут наши советские сатирики со своими памфлетами, эпиграммами и стихами, то эти люди скажут: «Не нужно, мы сдаемся, мы — за коммунизм». **(Аплодисменты).**

Писатели для миллионов, тысяч и единиц.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЖАН-РИШАР БЛОКА.

Товарищи! Я мог бы обратиться к вам с приветствием, выраженным в нескольких взволнованных и торжественных фразах, полных симпатии и благодарности. Нет нужды говорит о том глубоком волнении, которое испытываю я с момента приезда в СССР и о том восхищении, с которым я смотрю на успехи социалистического строительства.

Я перехожу к делу.

Примерно, 12 лет назад, во времена Пуанкаре, делегация работников по начальному образованию пришла в министерство по вопросу о подготовке будущих преподавателей. Им ответили: «Все, что нам нужно, это — крестьянин, который учил бы грамоте крестьян».

Таким образом, проблема культуры не ставится ни для пролетариата, ни для огромного большинства крестьян, ремесленников и мелких буржуа; народные массы во Франции остаются вне влияния литературы. За последние 50 лет только Золя, Альфонс Додэ и роман Барбюса «В огне» дошли до них.

В результате во Франции у писателей остается очень узкий круг исключительно буржуазных читателей.

У вас, в СССР, огромные усилия направлены на развитие высшего, среднего, низшего образования. Потрясающие темпы. Ликвидация неграмотности. Огромные тиражи газет, журналов, книг. Всяческое стимулирование литературного творчества всех, не исключая детей.

Всем этим вы даете советскому писателю самый прекрасный дар, о котором может мечтать писатель,—вы даете ему 170 миллионов читателей.

Мы, писатели Запада, задыхаемся из-за отсутствия воздуха.

Конечно, французские писатели обладают в большей мере профессиональными навыками, технической сноровкой. Вековая литературная традиция научила нас искусству ловко и с легкостью делать различные трудные вещи — романы, пьесы, рассказы. Но мы похожи при этом на блестящих поваров и кондитеров из замка спящей красавицы. Красавица наша спит, и дремлют наши таланты.

Вы, советские писатели, обладаете секретом, который один равноценен всем нашим секретам в жизни. Массы, к которым вы обращаетесь, не страдают, как наши читатели, малокровием, не холодеют от ужаса перед своей собственной судьбой. Ваша принцесса — в полном цвете молодости.

Мы прислушиваемся к вам, мы наблюдаем за вами в продолжение многих лет. Почти все ваши книги переведены у нас и читаются с увлечением.

Но мы отдаем себе отчет в тех трудностях, которые стоят перед вами. Вы — писатели, которые пишете на русском языке, являетесь наследниками одной из величайших в истории литературных традиций. И эта традиция не вполне соответствует потребностям русского народа на данном великом этапе его развития. Ваша борьба за удовлетворение этих потребностей имеет огромное значение для нас. Мы надеемся, что завтра ваши проблемы встанут и перед нами.

Я перехожу ко второму и последнему вопросу. Наш большой друг, наш великий писатель Максим Горький говорил в своем докладе на открытии с'езда, что в прошлом личность писателя была противопоставлена обществу, государству и природе. Я полностью разделяю эту точку зрения и я вполне согласен с той картиной, которую он нарисовал.

Но разве писатель, художник не всегда находит себя в противопоставлении?

Писатель не официальный певец завершенного труда. Если бы это было так, то действовало бы ироническое французское выражение об инспекторе завершенных работ. Писатель рисковал бы тогда постепенно превратиться в социального паразита, как это было в древности при королевском дворе, когда его амплуа состояло в том, что он твердил монарху:

«Сколь ты прекрасен, сколь ты мудр, сколь ты велик и сколь ты справедлив».

Предположим, что писатель окопался в этой безопасной роли. Другие люди, осуществляя социальное строительство, отдавали бы свои творческие силы, а писатель, дождавшись окончания великих работ, приходил бы и восклицал: «А теперь я буду рассказывать о том, как все это произошло».

Я думаю, что если бы это было так, то лучшие из писателей захотели бы стать активными строителями новой жизни. Они бросили бы перо, переменили бы свое ремесло писателя на ремесло землекопа, металлиста или инженера.

Писатель имеет другое назначение. Его свойство—находить нарушения жизненного равновесия, те нарушения, которые поддерживают органическую жизнь общества.

Я ничего не сказал о литературной технике. Искусство рождается из противопоставлений и постоянно возрождается благодаря непрекращающейся реакции против доминирующих вкусов читателей. И какова бы ни была природа общества, есть и всегда будут художники, которые используют привычные словесные формы и всегда будут такие художники, темперамент которых толкает их на поиски новых форм.

Среди писателей, как среди летчиков, есть пилоты, энергично и храбро работающие на уже испытанных моделях, и есть другие, работающие в аэродинамических институтах, комбинирующие и управляющие новым типом машин. Вот почему неизбежно и даже необходимо, чтобы был писатель для миллионов читателей, для сотни тысяч читателей и писатель для пяти тысяч читателей.

Я считаю, что писатели для пяти тысяч ни в коем случае не будут вербоваться исключительно из привилегированных кругов столичных литераторов. Даже в капиталистических странах искание литературной формы для изображения жизни в прозе и в поэзии уже находит своих выразителей в среде наиболее угнетенных пролетарских слоев.

Могу вам привести пример из моего собственного опыта. Я знаю одного служащего магазина. Ему еще далеко до 30 лет. Вот вкратце его история. Он родился в Туре, во Франции. Отец его был маляром. Он и сейчас работает и едва зарабатывает себе на жизнь. Сам он окончил начальную школу 12 лет.

После этого он работал в своем родном городке на заводе, возил вагонетки с нечистотами, предназначенными для удобрения. Спустя несколько лет этой беспросветной жизни вкус к литературе, тяга к художественному слову каким-то образом в нем зародилась. Он уехал в Париж и там нашел в книжном магазине плохо оплачиваемую работу. Но он потерял здоровье за годы лишения, ему пришлось покинуть столицу, он нашел место приказчика в книжном магазине в городе, возле которого я постоянно живу. Здесь я с ним познакомился. Целый день в течение 9 часов он продавал книги, по остаток дня и ночи он их читал. Он мне показал свои первые литературные опыты. Они были сделаны за несколько лет до нашего знакомства, когда у него еще не было времени читать современную поэзию. И вот странное дело, эти строчки — еще неуклюжие, еще незрелые — были написаны в самом смелом и в самом, может быть, интеллектуальном, казалось бы, наименее общедоступном стиле нашей новой современной поэзии.

Этот полуграмотный паренек инстинктивно искал литературную форму писателя для 5 тыс. читателей.

Я не думаю, чтобы можно было утверждать, что такой пример является характерной особенностью агонии буржуазной культуры, чтобы он был иллюстрацией этой агонии и чтобы его нельзя было представить в бесклассовом обществе. Нужно тщательно различать между социальным дилетантизмом и исканиями — аэродинамическими исканиями художника нового оружия — для проникновения художественного слова в самую гущу жизни. Основные темы своеобразных поэм молодого поэта, о котором я рассказываю,—это воспоминания о тяжелой жизни молодого пролетария. Короче говоря, он член французской коммунистической партии. **(Бурные аплодисменты).**

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

ЯНКА КУПАЛА.

За большевистскую тенденциозность в литературе.

РЕЧЬ ТОВ. ВС. ИВАНОВА.

В нашей борьбе за качество писательской продукции мы преуменьшаем значение нашей литературы. Речи, которые я слушал на с'езде, подтвердили эту мою мысль.

Я вспомнил собрание писателей, происходившее лет одиннадцать назад в Москве, когда многие из нас, ныне знатные люди от литературы, впервые приехали в столицу. Мы положили основание издательству «Круг», в которое тогда входило все лучшее молодое, что имелось в новой советской литературе.

Не будет большим грехом, если я охарактеризую тогдашний период советской литературы, как период, где господствовал беспартийный писатель со всеми свойственными ему недостатками и ошибками. При чем партийность я понимаю не только как состояние в коммунистической партии, но как непрестанное воспитание себя и других в духе учения Маркса, Ленина, Сталина и умения владеть оружием, которое дает это учение.

Наша советская беспартийность есть особая беспартийность. А беспартийность одиннадцать лет назад была совсем иной, чем сейчас.

Я прошу вас вспомнить декларацию — «Серапионовых братьев», к группке которых я принадлежал, декларацию, которая говорила, что мы — против всякой тенденциозности в литературе. Но тогда и наша психика, и наш опыт были таковы, что на практике мы не могли не писать тенденциозных произведений. И подписывая эту декларацию, мы в то же время были тенденциозны в своем творчестве.

Беспартийность искусства, казалось нам, приближает нас к жизни, а партийность отрывает нас на ту работу, которую мы только что бросили, чтобы увидеть «высокий» мир искусства. Мы рассчитывали, что запаса впечатлений, который был нами приобретен, хватит на всю жизнь, а оказалось, что его хватило на две—три книги. Последующие книги часто были слабыми, и многие за наивность своего мышления расплатились тягчайшими потрясениями.

Жизнь быстро обучила нас. Через ряды беспартийных писателей проходили писатели коммунисты, писатели во имя своих утверждений активно боровшиеся с влияниями чужой литературы, воспринимавшие все достижения буржуазной литературы и умевшие быстро отбрасывать без сожаления все ее недостатки, а главное, отбрасывать присущие ей ложь и притворство.

Я утверждаю, что все без исключения, подписавшие и сочувствовавшие декларации «Серапионовых братьев» против тенденциозности, прошли за истекшие 12 лет такой путь роста сознания, что не найдется больше ни одного, кто со всей искренностью не принял бы произнесенной тов. Ждановым формулировки, что мы за большевистскую тенденциозность литературы **(аплодисменты).**

Мы приближаемся к партийности. Мы стали теми писателями, которые думают, что только классовое творческое сближение с жизнью есть та настоящая картина, которая создала огромное количество собравшихся теперь на слет писателей. Мы сделали много, но все-таки наши дарования используются нами не более как на 10 проц. А социализм заключается в том, чтобы использовать всяческое творчество на 100 проц. Нельзя позволять ни себе, ни другим понимать писательское дело как ренту.

Но мы отстаем не так уж сильно. Возьмите список присутствующих на с'езде, подумайте над многими фамилиями и посмотрите, что сделано за последние десять лет. Это десятилетие дало литературе не меньше, чем любое десятилетие в любой стране. Но ни над одним десятилетием не веяло такое молодое знамя человечества, такое молодое знамя коммунизма, какое веет над нами и над нашей литературой.

Несколько слов о сюжете. Вот, например, существуют два романа «Петр I» Алексея Толстого и «Большой конвейер» Ильина. «Петр I» получил достаточно благоприятную критику. Несомненно «Петр I» написан замечательно. Мне наверное удивятся, что я осмеливаюсь сравнить «Большой конвейер» Ильина с таким большим, почти эпическим произведением, как «Петр I». А все-таки я считаю, что «Большой конвейер» несомненно явление новой литературы, с новыми особыми формами, с особой правдивостью, которая свойственна нашей эпохе и которой мы вправе гордиться. «Большой конвейер» роман, к сожалению, незаконченный, необработанный. Но в нем видны та искренность и правда, то отсутствие фальши, которое дается только партийностью, т. е. знанием условий жизни и волевой классовой их переделкой.

Далее тов. Иванов останавливается на вопросе о подборе материалов писателями, о необходимости собирать дневники, переписку отдельных лиц, биографии соседей по жизни. К биографиям бойцов, рабочих, инженеров нужно прибавить письма, дневники обывателя, мещанина, попа, инженера. Не следует гнушаться записать историю какого-нибудь «холодного сапожника» у ворот.

— Мы должны искать,— говорит Вс. Иванов.—Но, кажется, некоторые из нас не очень одобряют эти поиски. Например, здесь с трибуны Эренбург весьма ядовито высказывался о работе литературных бригад. А я вот утверждаю, что работал в одной из таких литературных бригад по созданию истории Беломорского канала и это останется для меня одним из лучших дней моей творческой жизни. Я верю, что точно такое же наслаждение доставит мне создание книги о людях второй пятилетки, где, как известно, тоже будет работать литературная бригада из 70 советских писателей.

Совсем недалеко от нас стоит старый капиталистический мир. И мы гордимся тем, что наша все более растущая партийность заставляет нас, научает нас, поддерживает нас в том ожесточении и в той непрерывной злобе, с которой мы смотрим на этот древний мир. К нему теперь можно применить старинный анекдот о жителях деревни Бреза.

Незадолго до Великой французской революции жители Бреза нашли, что местная виселица сильно обветшала. Они решили поставить новую из железа, дабы ею могли пользоваться отдаленные потомки.

Фашизм тоже хочет построить железную виселицу для рабочего класса. Но раньше, чем он соберет для нее материал, великая революция размозжит глупую и кровавую голову фашизма.

Я полагаю, что в этой работе, в размозжении фашистской головы наш писательский удар будет не последним ударом. **(Аплодисменты).**

ПЕРЕД НОВЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ В ЧАХАРЕ.

ШАНХАЙ, 21 августа. (ТАСС). Агентство «Чжецзя» сообщает, что после окончания наводнения в провинции Чахар вновь усилилась активность японских войск. Ожидают возвращения японских войск из Жэхэ, значительная часть которых в настоящее время сконцентрирована на границе провинций Жэхэ и Чахар. По сведениям агентства, в Чахаре будет размещен постоянный японский гарнизон.

Газета «Шунь-бао» указывает, что несколько дней назад японские самолеты совершили полет из Чэндэ в Хэйтайнцзе и Цзичень и даже кружились несколько минут над Калганом, фотографируя местность.

Согласно сообщениям китайской прессы, японские «исследователи» и агенты продолжают свободно путешествовать по Внутренней Монголии, особенно в восточной ее части, устанавливая контакт с подкупаемыми ими принцами, и ведут шпионаж в широких размерах. «Шунь-бао» сообщает, что недавно из Долоннора в монгольские станицы было послано значительное количество японских резервистов.

Одновременно значительно возрос интерес к Монголии и со стороны других иностранных военных кругов. После недавней поездки во Внутреннюю Монголию американского военного атташе там же в сопровождении корреспондента лондонской газеты «Таймс» и секретаря британской миссии в Бейпине в течение нескольких недель совершал поездку британский военный атташе, вернувшийся сейчас в Бейпин.

—o—

Действия манчжурских повстанцев.

ТОКИО, 21 августа. (ТАСС). «Дэмпо цусин» сообщает из Мукдена, что 200 повстанцев напали 16 августа на «японскую геологическую разведку» южнее Сингочина.

Повстанцы убили 5 чинов японо-манчжурской охраны и ранили 12. Кроме того, 10 охранников пропало без вести.

—o—

Массовые аресты на военных заводах Японии.

ТОКИО. 21 августа. (ТАСС). Полиция разрешила опубликовать некоторые данные о массовых арестах, произведенных в городе Хиросима в апреле и июне 1934 года. В общей сложности арестовано 108 рабочих и студентов по обвинению в коммунистической деятельности. Из них 18 передано прокуратуре, а 73 находятся в тюрьме. Полиция подчеркивает, что коммунисты развивали широкую деятельность в городах Хиросима и Курэ, являющихся крупными военными и морскими центрами Японии. При этом коммунисты проявили особую активность среди рабочих морского арсенала в Курэ и на заводах военной промышленности в Хиросима. В частности коммунисты принимали деятельное участие в имевших место в 1933—1934 гг. забастовках на предприятиях в Хиросима и Курэ.

Коммунистическая организация в Курэ и Хиросима, по полицейским данным, регулярно выпускала печатные органы, в том числе ежемесячник «Вперед», а также листовки и брошюры.

Руководителями коммунистической организации в префектуре Хиросима полиция называет Секия и Иваса. Оба они арестованы. Газета «Иомиури» отмечает, что организованные во время стачек на хиросимских предприятиях пикеты руководились коммунистами.

—o—

НЕУРОЖАЙ РИСА.

ТОКИО, 21 августа. (ТАСС). Называя виды на урожай риса «несколько неблагоприятными», сообщение министерства земледелия указывает, что сбор риса в текущем году ожидается в 59 млн коку против 71 млн коку в прошлом году. Урожай этого года, таким образом, ниже среднего за последние 5 лет.

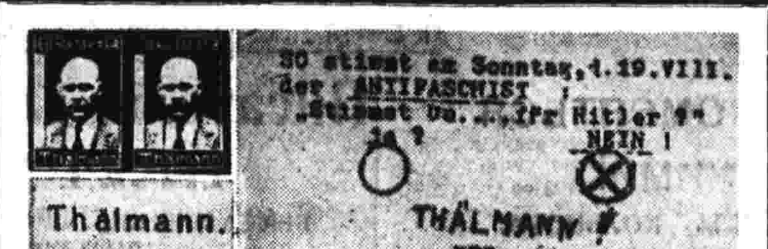
Среднее ежегодное потребление риса составляет 70 млн коку. Таким образом рисовый дефицит текущего года составит 11 млн коку и лишь наполовину покрывается запасами риса прошлых сборов.

—o—

Жертвы наводнения в Манчжурии.

ТОКИО. 20 августа. (ТАСС). «Симбун ренго» сообщает, что наводнение, вызванное под'емом рек Сихо и Ялу, захватывает новые районы.

Насчитывается более 500 человек утонувших и раненых. По предварительным данным, материальные убытки достигают 8 млн иен.

Коммунистические листки, распространявшиеся в Берлине перед «плебисцитом» 19 августа.

Что показал фашистский «плебисцит».

ЖЕЛЕЗНЫЕ КАДРЫ ПОДПОЛЬЩИКОВ.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 22 августа. В Париже еще не улеглось глубокое впечатление, вызванное результатами германского «плебисцита».

«Пари миди» подчеркивает силу германской компартии, «сохранившей в целости свой аппарат».

«Нас не заставят думать, что коммунизм, — добавляет газета, — который в течение целых полутора лет устоял, несмотря на ужасающие условия, был бы способен оставить дело, за которое сотни раз его активисты рисковали жизнью».

«Энтрансижан» начала публиковать большое обследование «подпольной Германии». В этом обследовании газета, между прочим, пишет: «Национал-социалистская фразеология не имеет худшего врага, чем национал-социалистская действительность. Эта действительность родит пачками противников режима и подпольщиков».

Газета дает затем очерк того, как живут массы при фашистском режиме. С марта 1933 г. по март 1934 г. уровень жизни трудящихся снизился на 18 проц. Общая сумма зарплаты сократилась на 1 млрд марок, несмотря на то, что число рабочих, занятых в военной промышленности и на предприятиях, владельцы которых получили 6-миллиардную субсидию от государства, увеличилось. Положение мелких и средних крестьян отчаянное. Мелкая буржуазия об'ята паникой, она боится инфляции и окончательного разорения.

Корреспондент «Энтрансижан» пишет о нелегальной работе, которая ведется в Германии против фашистской диктатуры. «Эти подпольщики не являются кучкой идеалистов, презирающих смерть. Это — железные кадры, исчисляемые тысячами систематически подготовляемых людей. Они работают под покровом миллионов сторонников, опираясь на симпатии всего мира».

Декларация Геринга, заявившего, что «ударит кулаком» по тем, кто осмелится голосовать против Гитлера, воспроизведена всей печатью. Газеты усматривают в ней сигнал к кровавым репрессиям.

«Попюлер» пишет: «Над Германией пронесется новая волна террора. Избегая шума, там будут применять методы холодного погрома, чтобы усмирить недовольных». Фашистский орган «Гамбургер фремденблатт»... «Ганноверш» ...

Фашистский орган «Ганнинкрейц баннер» опубликовал результаты плебисцита по избирательным участкам с указанием улиц. Это даст возможность произвести систематические розыски непокорных, обследовать улицу за улицей, дом за домом».

Некоторые газеты предвидят также возможность массовой резни в концлагерях.

Реми.

Красный фронт живет.

ВЕНА, 22 августа. (ТАСС). «Эхо» (дневное издание венской газеты «Телеграф») печатает следующее сообщение из Берлина о деятельности германских коммунистов во время подготовки «плебисцита» в Германии.

«Агитация коммунистов в течение кампании превысила все ожидания. В рабочих районах с крыш на головы рабочих, направлявшихся на предприятия, сыпались тысячи листовок с надписью «Красный фронт живет». Полиции не удалось задержать ни одного распространителя листовок.

18 августа на Унтер ден линден (Берлин) близ Бранденбургских ворот был задержан молочный фургон с огромной надписью «Красный фронт живет». Прохожие приветствовали коммунистические лозунги. Задержанный кучер утверждал, что надпись была сделана на фургоне во время езды».

Страх перед коммунизмом.

ВАРШАВА, 22 августа. (ТАСС). Правительственный «Курьер поранны» в передовой статье, посвященной оценке германского «плебисцита», заявляет, что организационная подготовка к выборам ни в коей мере не позволяет рассматривать германский «плебисцит» как свободное голосование.

«Постепенно, — пишет газета, — начинает вырисовываться ядро нелегальной оппозиции, направленной против режима... Даже поверхностный анализ выборочной статистики показывает, что большинство оппозиционных голосов рекрутируется не из рядов юнкерско-католической оппозиции, переживающей сейчас психическое банкротство. Во главу угла выдвигаются центры рабочей радикальной оппозиции.

19-е августа является переломной датой, показавшей, что германский пролетариат начинает действовать самостоятельно... Страх перед коммунизмом в Германии оказался вполне обоснованным».

«Инцидент», которого не было.

НЬЮ-ЙОРК, 22 августа. (ТАСС). Бен Дорфман — американский «экономический эксперт» в комиссии Литтона, являющийся ныне дальневосточным экспертом «Форейн полиси ассошиэйшен»,—поместил в журнале «Харперс мегэзин» статью, в которой детально анализирует «мукденский инцидент», имевший место 18 сентября 1931 г., якобы в связи со взрывом, разрушившим полотно ЮМЖД, использованным японцами в качестве предлога для захвата Манчжурии.

Дорфман находился в Харбине, когда в Мукдене произошел этот «инцидент». Он немедленно отправился в Мукден и энергично обследовал создавшееся положение.

Рассмотрев все доказательства, ознакомившись с японскими официальными версиями, выслушав показания многих иностранных китайских и японских наблюдателей, а также обозрев место мнимого взрыва, Дорфман пришел к заключению, что в действительности инцидент никогда не имел места и целиком является японским измышлением с целью подготовки оккупации Манчжурии.

Англо-японские переговоры.

ЛОНДОН, 22 августа. (Соб. корр. «Правды»). Парижское издание «Нью-Йорк геральд трибюн» публикует сообщение Гаваса из Токио, говорящее, что, несмотря на официальные опровержения, в американских кругах в Токио существует убеждение, что между Англией и Японией ведутся переговоры по основным вопросам политики на Дальнем Востоке.

Английский посол в Японии Роберт Клайв обсуждал эти вопросы с министром иностранных дел Хирота. Большую роль в этих переговорах играет вопрос о нефтяных месторождениях на Дальнем Востоке, и предполагают, что нефти будет уделено большое внимание делегацией британских промышленников, которая посетит Японию и Манчжурию.

* * *

Характерно, что английская пресса очень скупо говорит о положении на Дальнем Востоке. Но несомненно, что некоторые круги развивают за кулисами энергичную деятельность, направленную к поддержке Японии. В «Морнинг пост», например, сегодня всплывает проект «разрешения» вопроса о КВЖД, в котором Японии рекомендуется приобрести только половину дороги, оставив вторую половину на старом положении.

Майорский.

ТОМ МАНН ПРИБЫЛ В СССР.

ТЕПЛОХОД «ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ», 22 августа. (Спец. корр. «Правды»). Сегодня на теплоходе «Феликс Дзержинский» прибывает в Ленинград один из старейших лидеров английской компартии т. Том Манн. Он просил передать через «Правду» следующее приветствие трудящимся Советского Союза:

«Я уполномочен передать от всех революционных рабочих Англии привет их товарищам в Советском Союзе. Английская компартия, ведя за собой антифашистские элементы рабочей партии, тред-юнионов, студенчества и интеллигенции, проводит широкую кампанию против фашизма. Рабочие Англии приветствуют свое пролетарское отечество и радуются его успехам. Они борются за то, чтобы осуществить тот идеал, который уже получил свое воплощение в лице Советского Союза.

Да здравствует СССР!

Том Манн».

Уроки перелета американских бомбовозов на Аляску.

НЬЮ-ЙОРК, 21 августа. (ТАСС). По сообщению «Ассошиэйтед пресс», успешный перелет 10 бомбовозов на Аляску будет иметь своим результатом «важные изменения в американских планах воздушной обороны».

Представитель командования военно-воздушных сил полковник Арнольд заявил: «Мы доказали возможность быстро перебрасывать части воздушного флота на Аляску и успешно возвращать их обратно».

По словам агентства, перелет поощрит строительство более крупных бомбовозов, способных к более длительным перелетам. Как указывает агентство, американские промышленники уже намечают «секретную» постройку гигантских самолетов».

Столкновение крестьян с полицейскими в Индии.

ЛОНДОН, 21 августа. (ТАСС). В провинции Мадрас в Индии произошло столкновение полиции с демонстрацией крестьян, протестовавших против конфискации за долги земли и усадьбы местного крестьянина.

Вооруженные палками и копьями крестьяне напали на полицейских, пытавшихся занять усадьбу, и вытеснили их оттуда. Затем полицейские получили подкрепление и открыли стрельбу по крестьянам. Пятеро крестьян было убито, пятеро ранено. Во время первой схватки было ранено несколько полицейских.

ГИБЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО БОМБОВОЗА.

ЛОНДОН, 22 августа. (ТАСС). Новый английский бомбовоз, испытания которого производились близ воздушной базы в Мартлешэме, взорвался в воздухе.

Пилот спасся на парашюте.

ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ К КОМИНТЕРНУ.

ЛОНДОН. 22 августа. (ТАСС). Лондонское отделение юношеской организации Независимой рабочей партии большинством 20 голосов против 5 постановило поддержать решение конференции юношеской организации о желательности присоединения к Коминтерну.

Иностранная хроника.

✱ В Греции раскрыт военно-фашистский заговор. Арестовано много офицеров.

✱ Начальник шведского генштаба генерал Нигрен выехал по приглашению начальника польского штаба в Варшаву.

✱ В середине сентября германские журналисты нанесут ответный визит в Польшу.

✱ Рузвельт издал постановление, дающее министерству финансов полномочия отменить пошлины на корм, ввозимый для голодающего скота из Канады.

✱ «Народный суд» в Германии приговорил к 8 годам каторги бывшего коммунистического депутата рейхстага Романа Хвалека. Хвалек обвинен в попытке восстановить нелегальные организации революционной профоппозиции в Берлине и Померании.

✱ В связи с отказом Германии подписать германо-финляндский торговый договор на основе системы взаимных расчетов, «Гельсингин саномат» резко выступает против Германии, заявляя: «Германцы не должны думать, что Финляндия является колонией, обязанной подчиняться фельдфебельскому приказу».

25 АВГУСТА — ФИНИШ ДИЗЕЛЬНОГО ПРОБЕГА.

Вчера в Центральном совете Автодора под председательством тов. Ланина состоялось совещание по подготовке к финишу дизельного пробега Москва—Тифлис—Москва.

Колонна машин дизельного пробега прибывает в Москву 25 августа, в 3 часа дня. Финиш—на 11-м километре Серпуховского шоссе. Отсюда колонна отправится на Красную площадь, где в 6 часов вечера откроется митинг, посвященный итогам пробега.

Дизельмашины прибыли в Курск.

КУРСК, 22 августа. (Спец. корр. «Правды»). В 2 часа колонны дизельного пробега прибыли в Курск.

Юные осводовцы вернулись в Москву.

В Москву возвратились юные осводовцы—участники мото-парусного похода по Москва-реке, Оке и Волге до Казани. В походе участвовали 26 мальчиков и 6 девочек—ученики московских школ в возрасте от 12 до 15 лет. Ребята шли на двух парусных и одной моторной лодке. Весь путь длиной в 1.540 километров пройден за 45 дней. Все участники похода бодры, здоровы, физически окрепли, суда—в полной исправности.

Лоцман ТОЛЯ ГРАЧЕВ, участник мото-парусного похода.

—o—

В МОСКВУ ПРИЛЕТЕЛ ДИРЕКТОР «ЭКО ДЕ ПАРИ» Г. ДЕ-КЕРИЛИЗ.

21 августа в Москву прилетел на своем самолете известный французский политический деятель и публицист, директор газеты «Эко де Пари», г. Анри де-Керилиз. Он пробудет в Москве около 10 дней.

—o—

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ НА МЕТРО.

Вчера Метрострой посетила группа американских промышленников совместно с секретарем американского консульства г. Вуманнии. Среди гостей — директор американской компании стальных вагонов г. Ридер и представитель автомобильных концернов г. Аустин. (Роста).

—o—

Авиорейсы между Воронежем и селом Репьевкой.

ВОРОНЕЖ, 22 августа. (Корр. «Правды»). Открылось постоянное авиационное сообщение между Воронежем и селом Репьевкой. Самолет доставляет ежедневно утром в Репьевку газеты и письма.

ИСПЫТАНИЯ В ИНСТИТУТАХ НАРКОМПУТИ.

Закончились приемные испытания в московских институтах Наркомпути. В Электромеханический институт инженеров транспорта, куда было подано 1.494 заявления, принято 425 студентов, в Электротехнический институт инженеров транспорта принято 200 студентов (подано было 652 заявления), в Институт инженеров транспорта, готовящий эксплуатационников и строителей путей сообщения, принято 650 студентов (подано было 1.579 заявлений).

На-днях заканчивают прием остальные институты НКПС—Ленинградский, Днепропетровский, Томский, Новосибирский, Ростовский, Ташкентский и Харьковский.

Всего в институты НКПС будет принято в этом году 4.250 студентов.

—o—

Первой в крае.

ПИТЕРКИ, 21 августа. Питерская МТС, инициатор всесоюзного соревнования технических кадров, на уборке 20 августа первой в Саратовском крае выполнила годовой план хлебопоставок. Сдано 26.997 центнеров. Краевой план натуроплаты в 13.000 центнеров выполнен на 104.5 проц.

Начальник политотдела КОМАРОВСКИЙ.

ВСЕСОЮЗНАЯ СТРЕЛКОВАЯ СПАРТАКИАДА КОМСОМОЛА.

Вчера на Кунцевском стрельбище открылась первая всесоюзная стрелковая спартакиада комсомола. Ворошиловские стрелки первой и второй ступени состязались в стрельбе из боевой винтовки с открытым прицелом на дистанцию 300 метров лежа. Это упражнение выполнялось после 5-километрового перехода с преодолением препятствий (бревно, ров, барьер, проволочные заграждения).

Участников приветствовали секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Вершков и председатель Центрального совета Осоавиахима тов. Эйдеман.

—o—

На шахматном турнире мастеров.

ЛЕНИНГРАД, 22 августа. (Спец. корр. «Правды»). 22 августа в пятом туре турнира шахматных мастеров СССР Романовский выиграл у Юдовича. Кмох блестяще провел партию против Левенфиша и, применив новинку в защите Нимцовича, легко выиграл. Рюмин выиграл у Рабиновича. Партия Чеховер—Кан закончилась вничью.

После пятого тура впереди Кмох — 3½ из 5, за ним гроссмейстер Эйве — 3 (и одна недоигранная), Романовский — 3.

23 августа — свободный день, игры не будет.

ЕРЕМЕЕВ.

Выплавка металла за 20 августа (в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	31.000	28.500
Выплавлено.	29.414	27.701
% выполнения.	94,9	97,2

Готовый прокат за 20 августа (в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.000	17.937	89,7

Добыча угля по Союзу за 19 августа (в тоннах).

План.	Добыто.	% плана
271.361	244.525	90,1

Добыча угля в Донбассе за 20 августа (в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
173.000	165.305	95,6

Добыча и сушка торфа на 19 августа (в тыс. тонн).

Добыто с начала сезона.	Высушено с начала сезона.	% от добытого торфа.
10.837,0	6.632,2	61,0

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 20 АВГУСТА.

ДОРОГИ.	Погружено. Вагонов.	Погружено. % выполнения плана.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Принято с соседних дорог.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Сдано на соседние дороги.	% обеспеченности вагонами.
М.-Бел.-Балт. (нач. т. Русанов)	1.373	93	121	128	127
Западная (нач. т. Жуков)	2.162	104	109	107	113
Октябрьская (нач. т. Синев)	2.581	90	118	110	114
Окружная (нач. т. Петриневский)	313	90	103	105	99
Юго-Западная (нач. т. Друскис)	3.273	97	103	95	102
Омская (нач. т. Базулин)	704	98	85	108	101
Ряз.-Уральская (нач. т. Кавтарадзе)	1 599	105	97	91	104
Мурманская (нач. т. Ледник)	1.513	101	95	81	92
Казанская (нач. т. Кучмин)	2.714	95	101	91	105
Южная (нач. т. Зорин)	1.327	97	81	97	95
Северная (нач. т. Амосов)	2.657	91	102	86.5	100
Турксиб (нач. т. Четвергов)	247	99	69	80	78
Екатерининская (нач. т. Билик)	7.080	99	81	92	103
Донецкая (нач. т. Левченко)	7.198	86	92	80	90
Курская (нач. т. Карпенко)	2.635	97	91	90	110
Оренбургская (нач. т. Подшивалин)	427	103	76	72	91
Южно-Уральская (нач. т. Князев)	1.458	81	94	94	112
Пермская (нач. т. Миронов)	2.331	86	86	79	96
Среднеазиатская (нач. т. Прокофьев)	1.247	120	90	69	125
Закавказская (нач. т. Розенцвейг)	1.779	101	83	72	106
Юго-Восточная (нач. т. Житнов)	2 736	84	73	84	93
Сам.-Златоустовская (нач. т. Ковылкин)	1.170	88	77	79	103
Северокавказская (нач. т. Лившиц)	3.609	86	83	79	108
Томская (нач. т. Дьяков)	2.707	84	64	72	93
Восточносибирская (нач. т. Голышев)	770	95	82	49	108
Забайкальская (нач. т. Осипов)	сведений нет				
Уссурийская (нач. т. Лемберг)	сведений нет				
Погружено всего *)	55.610	92,5	—	—	103
Разгружено »	52.465				

ПОГРУЗКА ВАЖНЕЙШИХ ГРУЗОВ.

Уголь	207.507	тонн	94	проц. плана.
Кокс	17.816	»	106	» »
Руда	58.952	»	91	» »
Флюсы	19.811	»	103	» »
Соль	12.179	»	85	» »
Металл	2.230	вагонов	98	» »
Хлеб	6.609	»	94	» »
Лес	4.697	»	86	» »
Нефтепродукты	5.056	»	95	» »

*) Без Забайкальской и Уссурийской дорог.

Борьба империалистов за влияние в Австрии.

Позиция Чехо-Словакии.

ПРАГА, 22 августа. (ТАСС). Комментируя встречу Муссолини с Шушнигом, чехословацкие газеты заявляют, что без сотрудничества с Малой Антантой Италия не сумеет упрочить положение Австрии.

Близкая к Бенешу «Лидове новины» подчеркивает, что Малая Антанта считает итальянскую гегемонию в Дунайском бассейне не менее опасной, чем аншлюс (присоединение Австрии к Германии). Газета заявляет: «Пусть, наконец, осознают, что Италия сама не может препятствовать пангерманской экспансии в сторону Дунайского бассейна. Предотвратить аншлюс ни в коем случае не является делом одной Италии, одной Франции или Малой Антанты, аншлюс—общеевропейская проблема».

—o—

Национал-социалисты опять усилили активность.

ВЕНА, 21 августа. (ТАСС). Австрийские газеты сообщают, что национал-социалисты восстанавливают и перестраивают свои нелегальные организации на основе директив из Мюнхена.

В Клагенфурте найдено зарытым много взрывчатых материалов, в частности 29 пакетов аммонала. В Земмеринге найдено большое количество аммонита.

ВСТРЕЧА ШУШНИГА С МУССОЛИНИ.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 22 августа. Встреча Муссолини и Шушнига—в центре внимания французской печати.

Во французских политических кругах, как указывают газеты, намечаются две основные тенденции. Если, с одной стороны, выражается удовлетворение по поводу активного участия, которое Италия принимает в защите Австрии против посягательств со стороны национал-социалистов, то, с другой стороны, существует беспокойство, что Муссолини может зайти слишком далеко и установить нечто вроде итальянского протектората над Австрией в ущерб интересам Малой Антанты и особенно Югославии.

Касаясь совещаний между Муссолини и Шушнигом, парижская пресса указывает, что в первую очередь был затронут вопрос о внутреннем положении Австрии.

Второй вопрос, обсуждавшийся во время совещаний,—нынешние отношения между Германией и Австрией, а также меры, которые необходимо предпринять, чтобы предупредить новое выступление национал-социалистов.

Третий вопрос — отношения Австрии с соседними странами Центральной Европы и особенно с Югославией. Этот пункт вызывает больше всего комментариев и больше всего беспокойства. «Эко де Пари» открыто приписывает Муссолини желание «легализовать свою позицию в качестве борца за независимость Австрии путем заключения какого-либо договора, который сделал бы его признанным покровителем федеральной республики». Такого рода договор, по словам газеты, оказал бы немедленное действие на Югославию.

Сближение Австрии с Малой Антантой—вот решение, которое выдвигают органы печати, близкие к официальным кругам.

«Матэн» публикует интервью своего корреспондента с Сувичем.

На вопрос о военном сотрудничестве между Италией и Австрией Сувич ответил:

«На совещании не ставился вопрос ни о каком новом пакте. Когда мы сконцентрировали войска на австрийской границе, мы не заключали по этому поводу никакого отдельного пакта с Австрией».

Коснувшись проблемы реставрации Габсбургов, Сувич заявил:

«Этот вопрос не поднимался и не обсуждался. Мы согласны с австрийским правительством в этом вопросе».

Реми.

Английские отклики.

(По телеграфу от лондонского корреспондента «Правды»).

ЛОНДОН, 22 августа. Английская пресса уделяет много места свиданию, состоявшемуся между Муссолини и Шушнигом.

«Таймс» отмечает: «И Муссолини и Шушниг—оба они считают нужным предостеречь Германию, дабы не было вмешательства во внутренние австрийские дела».

Отдельные газеты выражают некоторое беспокойство—не заходит ли Италия несколько дальше допустимого и не устанавливается ли по существу итальянский протекторат над Австрией. В основном, однако, пресса благоприятно отзывается о стремлении Италии отстаивать независимость Австрии, поскольку в этом заинтересованы также другие державы.

Противоречия между Италией и Югославией выступают все больше на передний план, и в Лондоне с большим интересом указывают на старания итальянской прессы убедить Францию в сомнительности выгод ее союза с Югославией.

Майорский.

Уполномоч. Главлита № В—93295. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Издат. № 747.